

Библиотечка россиянинов. Выпуск № 11

Н.В. Минаева



Нина Минаева

Потаенные конституции России

«ПОСЕВ»

2010

УДК 342.4 (47+57) (091)
ББК 67.3

Минаева Н. В.

Потаенные конституции России / Н. В. Минаева —
«ПОСЕВ», 2010

ISBN 978-5-85824-193-5

Описание 11 проектов ограничения самодержавия, составленных в России в XVIII–XIX вв. как сторонниками, так и противниками власти, а также одного антисоветского документа 1942 г. Содержит полные тексты ряда документов и приложения на смежные темы. Книга может быть использована как учебное пособие для спецкурсов по конституционной истории России на исторических и юридических факультетах и привлечь широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

УДК 342.4 (47+57) (091)
ББК 67.3

ISBN 978-5-85824-193-5

© Минаева Н. В., 2010
© ПОСЕВ, 2010

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
1. Тайная конституция Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина (1762–1783 гг.)	9
2. Конституция Республики Семи Соединенных Островов (1799 г.)	15
3. Проект «Всемилоостивейшей жалованной грамоты, российскому народу жалуемой» (1801 г.)	18
4. План государственного преобразования М.М. Сперанского (1809 г.)	24
5. Государственная уставная грамота (1818–1821 гг.)	30
6. «Русская Правда» П.И. Пестеля (1821–1824 гг.) и смежные документы декабристов	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Нина Минаева

Потаенные конституции России



Нина Васильевна **Минаева**
1929 – 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идеи сильной центральной власти и политического единства евразийской равнины пришли на Русь от монголов. Эти идеи были востребованы в московский период нашей истории, когда надо было мобилизовать все силы народа на защиту обширного, редко населенного пространства на западных, южных и восточных рубежах.

Однако сильная власть московских царей отнюдь не была неограниченной. Во-первых, наряду со светской властью царя стояла церковная власть патриарха и его нравственный авторитет. Во-вторых, для решения важных политических вопросов царь созывал «совет всея земли». Хотя это и было совещательное собрание, царь его рекомендациям следовал. И, в-третьих, значительной степенью самоуправления обладали местные миры, городские и сельские общества, церковные приходы. Они сыграли решающую роль в период междуцарствия и в 1612 г. добились прекращения смуты. Полгода «совет всея земли» заседал практически непрерывно, страна стала как бы республикой со столицей в Ярославле. Москва была взята, и в 1613 г. состоялись выборы нового царя, начавшего династию Романовых.

Реформы Петра Великого, во многом необходимые, нарушили равновесие властей Московской Руси. Патриаршество было отменено, соборы всея земли более не собирались, местное самоуправление зачахло под грузом административных поручений центральной власти. Петр объявил царскую власть неограниченной. В этот момент и восторжествовал в России абсолютизм.

И естественно, что вскоре начались попытки его ограничения, т. е. поиски конституции. Конституция – это основной закон страны, который ограничивает верховную власть, обеспечивает права граждан и определяет структуру главных учреждений государства. От других законов конституция, помимо ее содержания, отличается порядком ее принятия, затрудняющим ее изменения.

Поисками конституции в России занималась и сама царская власть, и ее противники. Ни те, ни другие проекты в свое время, в условиях цензуры, не публиковались, чтобы «не колебать устои». Отсюда и заглавие этой книги – «Потаенные конституции России». В книге описано 11 конституционных проектов (не обязательно отработанных текстов) с 1762 по 1881 г. Сюда входят и два проекта Александра I, и два проекта декабристов, и проект М.Т. Лорис-Меликова, окончательно утвержденный Александром II утром того дня, когда его убили террористы.

Вторая половина XVIII века и XIX век – время, когда в России сильно было влияние идей европейского Просвещения, и конституционные проекты отражают это влияние. Это же было и временем становления современной русской культуры, и конституционные проекты стали неотъемлемой частью этой культуры, хотя тоже и мерой ее неисполненных возможностей.

Как известно, реальную конституцию Российская империя обрела после царского манифеста 17 октября 1905 г. в виде Основных законов от 23 апреля 1906 г. Но в отличие от 1821 или 1881 г., когда конституция могла быть дарована царем по его собственной воле, Манифест 17 октября был у него вырван под дулом всеобщей забастовки в революцию 1905 г. Государственная Дума первых двух созывов оказалась не способной сотрудничать с правительством, и потребовалось изменение избирательного закона в июне 1907 г., чтобы добиться работоспособной Думы. Последовавший затем конституционный период империи до Первой мировой войны стал во многом ее самым успешным периодом. Но под покровом достигнутого в 1905–1907 гг. компромисса скрытое противостояние власти и оппозиции сохранилось. Оно вышло наружу после военных неудач 1915 г. Конфликт между царем и «Прогрессивным блоком» в Государственной Думе привел в итоге к падению монархии 2-го

(15 н.с.) марта 1917 г. Царь, очутившись в полном одиночестве, не нашел должностных лиц, способных прекратить уличные беспорядки в Петрограде, а пришедший после его отречения к власти «Прогрессивный блок» не справился с управлением страной.

Само по себе падение монархии в России не было событием из ряда вон выходящим: в то же десятилетие пали монархии в Китае, Австро-Венгрии, Германии и Турции. Во всех этих странах, как и в России, революционные требования можно свести к двум: гражданского равноправия и правления с согласия управляемых. Но в России произошло событие действительно из ряда вон выходящее – Октябрьский переворот. Он именно эти два требования отверг. В результате Россия получила каскад четырех советских «антиконституций». В первой, 1918 г., сказано:

«§ 9. Основная задача <...> Конституции <...> заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии и водворения социализма».

Провозглашается не только неограниченная диктатура, но и деление общества на два класса, один из которых господствует, а другой подлежит подавлению. Конституция 1924 г. в Декларации о создании Союза ССР отмечает, что этот Союз «открыт всем социалистическим республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем <...> и послужит решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику».

Таким образом, СССР уже не Россия, а зачаток мирового социалистического правительства.

Сталинская Конституция 1936 г. исходила из того, что в СССР больше нет антагонистических классов: все вроде бы равноправны и согласно ст. 125 обладают обычным набором гражданских свобод, однако с оговоркой: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя».

А кто решает, что в интересах укрепления строя, а что нет? Ответ в следующей ст. 126, где сказано, что Коммунистическая партия представляет собой «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

Основное отличие брежневской Конституции 1977 г. от сталинской в том, что слова о «руководящей и направляющей роли КПСС» перенесены из 126-й в 6-ю статью. Когда после попытки путча 19 августа 1991 г. деятельность компартии была прекращена, стало очевидно, что ее роль в советской конституции действительно была ключевой. Без нее Верховный Совет, с его широкими и неопределенными полномочиями («Вся власть Советам!»), оказался без руля и без ветрил, способным делать что угодно: играть и административную и судебную роль, смещать президента и менять конституцию. Отмена советской системы стала насущно необходимой, и 12 декабря 1993 г. Россия обрела, наконец, современную конституцию, следующую канонам государственного права.

Пока шла Гражданская война и на занятой красными территории действовала Конституция 1918 г., на территории, занятой белыми, продолжали действовать Основные законы 1906 г. Оттуда, в частности, взят титул А.В. Колчака – Верховный правитель. Расчет был на то, что после победы над большевиками Национальное собрание примет новую конституцию. Победа тогда не состоялась, но устройство свободной России после советской власти продолжало занимать умы. Проект конституции новой России предложил Карел Крамарж – первый премьер Чехословацкой Республики, инициатор «русской акции», давшей бывшим участникам белых армий возможность получить в Чехословакии высшее образование. Политические программы для будущей России, не претендующие быть проектами конституции, писались в эмиграции до, во время и после Второй мировой войны. Из таких документов военного времени наиболее известна «Схема Национально-Трудового Строя» (96 с.), писавшаяся в 1942 г. совместно эмигрантами и советскими гражданами и изданная типографским

способом при православном монастыре в Ладомирово, в Словакии, в 1944 г. Для большинства жителей Советского Союза этот и подобные документы тоже остались потаенными. Их анализ – отдельная тема, выходящая далеко за рамки настоящего труда. Но один из таких документов военных лет мы все же приводим в виде 12-й главы по двум причинам: во-первых, он до сих пор нигде не публиковался. И, во-вторых, его автор, Василий Васильевич Минаев – отец автора этой книги.

Б.С. Пушкарев

1. Тайная конституция Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина (1762–1783 гг.)



Н. И. Панин

Екатерина Великая пришла на русский престол, используя конституционную идею. Именно от начала ее царствования ведет свой исток русская конституционная мысль. Одним

из условий возведения ее на престол братьями Орловыми и группой вельмож во главе с графом Никитой Паниным была своеобразная Конституция 1762 г., предусматривающая определенное ограничение абсолютной власти будущей императрицы и статус регентши при законном монархе – малолетнем наследнике Павле Петровиче.

Екатерина и ее фавориты Орловы пренебрегли этим условием, поддержав ее, как абсолютную монархиню. Но на ограничении самодержавной власти императрицы продолжал настаивать всю свою жизнь выдающийся государственный деятель – граф Никита Иванович Панин.

Автор первой потаенной конституции, Н.И. Панин заслуживает особой характеристики как основатель русской конституционной идеи.

Он родился в Данциге 18 сентября 1718 г. в родовитой дворянской семье. Его отец – генерал-поручик Иван Васильевич Панин – сенатор при Анне Иоанновне. Мать Никиты Ивановича – Аграфена Васильевна Эверлакова – племянница князя А. Д. Меншикова. Брат – Петр Иванович Панин – генерал-аншеф, сумевший поймать и пленить Пугачева.

История первой конституции неразрывно связана с биографией Н.И. Панина. Он начал службу вахмистром конной гвардии при Анне Иоанновне, быстро завоевал авторитет как независимо судящий человек. А при императрице Елизавете Петровне своими независимыми суждениями стал раздражать любимца императрицы – канцлера А.П. Бестужева-Рюмина. И Панина поторопились услатить за границу, на дипломатическую службу. Сначала он получил пост русского посланника в Дании, где пробыл с 1747 по 1749 г.

В чине камергера он был переведен в Швецию, где занимал пост русского посланника в течение 12 лет. В Шведском Королевстве, увлекшись изучением политической системы этого государства, Панин стал поклонником конституционной монархии, где власть шведского короля ограничена Императорским советом из нескольких влиятельных вельмож. Сблизившись с королевским домом, он стал участником придворной масонской ложи и разделял устав шведской масонской системы. Он одним из первых русских масонов, вслед за Иваном Перфильевичем Елагиным (сторонником масонства по английской системе), познакомился с главной книгой масонов «Книга конституций» Д. Андерсона, изданной еще в 1723 г. В этой книге были собраны все руководящие нравственные идеи европейского масонства, где уставы масонских лож назывались «конституциями».

Таким образом, идея ограничения королевской власти или вообще власти монарха связывалась с принципом Просвещения о нравственности и обязанности монарха делиться своей, неограниченной до того, властью с советниками, которые, руководствуясь масонскими принципами самоусовершенствования, должны стать мудрыми и нравственными советниками монарха.

Европейски образованный вельможа, однако, вскоре понадобился на родине. Назначенный императрицей Елизаветой Петровной воспитателем цесаревича Павла Петровича, Панин вынужден был вернуться в Россию, где в высших кругах общества было распространено масонство по английской системе.

Английское масонство восходит к истории династии Стюартов. Лондонская ложа – родоначальница русских масонских лож, основателем которых стал статс-секретарь Екатерины II И.П. Елагин. Эта масонская система также оказала влияние на политические настроения Панина. К этому моменту у него сложился ясный план конституционного преобразования абсолютной монархии в России по шведскому образцу. Цесаревич Петр Федорович не внушал уверенности в возможности править в Российской империи. И еще при жизни императрицы Елизаветы Петровны ее фаворит Иван Шувалов начал тайные переговоры с Паниным. А с момента воцарения императора Петра III Шувалов и Панин начали разрабатывать план об отстранении законного монарха Петра III и последующей передачи власти его наследнику великому князю Павлу Петровичу при регентстве его матери великой кня-

гини Екатерины Алексеевны. В то время введенная в этот заговор Екатерина соглашалась на такое развитие событий. Она признавалась датскому посланнику в Петербурге барону Остену: «Предпочитаю быть матерью императора, а не супругой!»

Однако в ходе переворота в июне 1762 г. победила партия Орловых, которые поддерживали Екатерину в ее самых амбициозных намерениях. Они настояли на провозглашении ее абсолютной монархиней, облеченной неограниченной властью. Но пособничество Панина в заговоре не прошло даром. В манифесте о воцарении Екатерины по настоянию Панина было введено положение об «узаконении особых государственных установлений» – это было обещание императрицы ввести в России «твердые законы», т. е. конституцию. Автором подготавливаемой конституции выступил Никита Панин. Сама идея ее была навеяна масонскими документами. Тайна, которой окутан первый политический проект Панина, объясняется принадлежностью самого автора к масонскому движению. Первый конституционный проект Панин представил Екатерине еще в 1762 г. В основу его положен принцип государственного устройства Королевства Швеции, где власть монарха периодически ограничивалась представительным риксдагом.

Доклад графа Н.И. Панина, представленный Екатерине II вместе с текстом соответствующего манифеста, опубликован в Сборнике Императорского русского исторического общества – РИО (СПб., 1871. Т. VII. С. 200–221).

Кроме того, С.М. Соловьев рассмотрел этот проект в книге «Императорские советы в России в XVIII – перв. пол. XIX в.» (Пг., 1916. С. 67).

По конституционному проекту 1762 г. Панин предлагал создать Императорский совет из шести-восьми советников, при нем четыре статс-секретаря или министра для наблюдения за четырьмя департаментами: иностранных дел, внутренних дел, военного и морского департамента. Точку зрения Панина разделяла группа придворных: А.П. Бестужев-Рюмин, кн. Я.П. Шаховской, гр. М.И. Воронцов, Н.В. Репнин, Екатерина Дашкова, А.Г. Разумовский. Однако в ходе бурного обсуждения проекта Екатерина разорвала уже скрепленный ее подписью документ и бросила список его сторонников в огонь. Но идея конституции была заронена в сознание хотя и узкого круга, но образованного общества.

Следующая редакция Конституции Панина относится к 1773–1774 гг., когда наследник русского престола Павел Петрович достиг совершеннолетия, и вновь встал вопрос о передаче власти законному наследнику. К работе над этой редакцией был привлечен Д.И. Фонвизин, начавший сотрудничать с Паниным еще со времени совместной их работы в Уложенной комиссии в 1767–1769 гг.

Фонвизин к основному проекту было написано обширное введение – «Рассуждение о непеременимых государственных законах». В основу этой редакции конституционного проекта положен проект 1762 г. Полностью редакция 1773–1774 гг. не сохранилась. Она была сожжена во время налета полиции, преследующей масонов, в доме брата Дениса Фонвизина – Павла Ивановича, в то время директора Московского университета. Удалось спасти лишь введение – «Рассуждение о непеременимых государственных законах», которое незаметно вынес младший из братьев Фонвизиных – Александр Иванович. Оно и сохранилось в библиотеке младшего Фонвизина и стало известно его сыновьям – будущим декабристам Михаилу и Ивану Александровичам Фонвизиным.

«Рассуждение...» основано на широкой просветительской аргументации и свидетельствует о разделении и Паниным, и Фонвизиным принципов французского Просвещения: главенства закона, разделения властей и др.

В проекте 1773–1774 гг. появился новый постулат по сравнению с предшествующей редакцией: все возрастающая роль дворянства как опоры государства. Этот принцип заимствован у Ш.Л. Монтескье. Императорский совет в этой редакции заменялся Верховным Сенатом, часть несменяемых членов которого назначалась «от короны», а другая избиралась

«от дворянства» – Дворянскими собраниями в губерниях и уездах. Сенату же передавалась полнота законодательной власти.

Эволюция взглядов Панина прослеживается и дальше. Во второй половине 1770-х гг. Панин читает и постигает труд Л.-К. Сен-Мартена «О заблуждениях и истине», вышедший в свет в 1775 г. Сен-Мартен развенчивал просветительскую теорию естественного права, обосновывал новый взгляд на необходимость корректировки политических курсов государств, вступивших в полосу кризисов феодальных монархий. В этом отношении Сен-Мартен был предшественником Луи Габриэля Бональда и Жозефа де Местра – идеологов легитимизма, т. е. теории, обосновывавшей обновленную монархию в постфеодальном обществе. Эта теория особенно распространилась после Французской революции в странах, где еще сохранялся монархический режим.

Граф Панин добился большого, почти абсолютного влияния на наследника престола – великого князя Павла Петровича, который воспитывался в конституционном духе и большом уважении к масонству.

Свои идеи Панин воплотил в третьей редакции Конституции, где в наиболее полном виде выражены его искания.

Третья редакция Конституции Панина – Фонвизина датируется 1783 г. Хотя полного текста этого документа также не сохранилось, в архивах найдены две записки, написанные рукой великого князя Павла Петровича под диктовку умирающего учителя – графа Панина в ходе последнего их свидания. Это своеобразное «Завещание» Панина.

Одна из записок имеет заголовок «Рассуждение вечера 28 марта 1783 года». Это текст конституции, продиктованный Паниным своему воспитаннику. Он открывается положением о главной функции государства, обязанного обеспечить безопасность своим подданным. Далее развивается положение о разделении властей: законодательная власть отделена от власти, законы хранящей и исполнительной. Законодательная может быть в руках Государя, но с согласия государства; власть, законы хранящая – в руках всей нации; исполнительная – «под Государем».

В третьей редакции Конституции Никиты Панина повторяется мысль о роли дворянства, которое должно участвовать в государственной власти через Сенат и министерства.

Вторая записка посвящена министерской структуре и утверждению нового закона о престолонаследовании с «предпочтением мужской персоны». Этой второй запиской Панин убеждал наследника Павла Петровича в его законных претензиях на русский престол.

Сопоставляя содержание этих двух записок, написанных Павлом по следам последнего разговора со своим учителем, можно считать их последующей, третьей редакцией Конституции Панина – Фонвизина. Поиски полного текста этой третьей тайной конституции уводят в царский дворец (РГАДА. Ф. 1. Д. 57. Бумаги Павла Петровича).

После убийства 11 марта 1801 г. ставшего императором Павла I его сын – новый император Александр I случайно обнаружил в его письменном бюро потайной ящик, где находились «важные документы». Издатель «Русской старины» М.И. Семевский нашел подтверждение этому факту: «Все бумаги Павла Петровича, – писал он, – после его насильственной смерти перепуганный сын его, ставший императором Александром I, поручил разобрать другу Павла Петровича князю Александру Борисовичу Куракину. Сам молодой царь обнаружил “собственную шкатулку” своего отца, наткнувшись на потайной ящик письменного бюро» (*Семевский М.И.* Материалы к русской истории XVIII века // Вестник Европы. 1867. Март. Год второй. Т. 1. С. 301).

Куракин собственноручно снял копию с этих документов и «озаботился оставлением у себя еще одной копии». Еще при жизни Павла I в дом Куракина в качестве секретаря был приглашен Михаил Михайлович Сперанский. Его внимание и необыкновенная тщательность в работе привели к тому, что Сперанский познакомился с «бумагами Павла Петро-

вича». Оттуда, по всей видимости, ведут свои начала идеи будущего великого реформатора о примате закона, принципе разделения властей и, наконец, об ограничении самодержавия в России.

Никита Иванович Панин задолго до революции во Франции с интересом изучал политические системы Западной Европы. Его внимание привлекли представительные органы власти в Великобритании, Швеции, Дании, Польше.

С октября 1763 г. Панину было поручено заведование Коллегией иностранных дел. Он слыл знатоком международной политики Европы. В течение двадцати лет Панин руководил российским внешнеполитическим ведомством. Он фактически стоял над вице-канцлером князем А.М. Голицыным.

Панину пришлось разрабатывать новую внешнеполитическую доктрину России, предусматривающую активную роль России после Семилетней войны и отражающую защиту национальных интересов России на Европейском континенте. В феврале 1764 г. он представил Екатерине II доктрину так называемого Северного аккорда.

В дальнейшем М. Корф поддержал и развил мысль графа Панина: «нельзя ли на Севере составить знатный и сильный союз держав против держав Бурбонского союза?» Дело усугублялось тем, что к этому времени сложился и укрепился союз южноевропейских государств: Франции, Австрии и Испании, основанный на общих религиозных, династических и политических связях. Панин стремился мирным дипломатическим путем усилить роль России на Европейском континенте: «...поставить Россию способом общего северного союза на такой ступени, чтобы она, как в общих делах, знатную часть руководства имела. Так особливо на севере тишину и покой нерушимо сохранять могла» (Цит. по кн.: *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896. С. 23).

Панину принадлежит идея пригласить в Северный союз Пруссию, Данию, Швецию и Польшу, в трех последних державах время от времени возобновляли работу представительные органы власти. Размышлял Панин и об Англии, чей парламентарный строй был ему наиболее близок. Признавая недостаточное влияние России в европейском мире, Панин рассматривал доктрину «Северного аккорда» скорее как средство, которое можно использовать в дипломатии. Французский посланник в Петербурге М.-Д. Буре де Корберон отмечал особые черты Панина-дипломата: «Величавый по манере держаться, ласковый, честный против иностранцев, которых очаровывал при первом знакомстве, он не знал слова “нет”, но исполнения его редко следовали за его обещаниями, и если, по-видимому, сопротивление с его стороны – редкость, то и надежды, возлагаемые на его обещания, ничтожны» (Письмо Корберона от 9 апреля 1778 г. // *Лебедев П.* Опыт разработки новейшей истории по неизданным источникам. СПб., 1863. С. 48).

Знаток внешней политики Ф.Ф. Мартенс считал проект Панина «доктринерством в политике» (Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т. VI. С. 39).

В.О. Ключевский признавал достоинства и выгоду заключения «Северного аккорда» для России, но приходил к выводу: «Трудно было действовать вместе государствам, столь разнообразно устроенным, как самодержавная Россия, конституционно-аристократическая Англия, солдатски-монархическая Пруссия, республиканско-анархическая Польша» (Соч. М., 1989. Т. V. С. 39).

Исследователь начала двадцатого века П.А. Александров считает, что Панин позволил Пруссии сделать Россию орудием в защите прусских интересов (Северная система. М., 1914. С. 11).

Наша современница Е.М. Миронова выделяет наиболее существенные шаги по оформлению Союза северных государств: договор с Пруссией – 1764 г., с Данией – в два этапа – в 1766 и 1769 гг., с Польшей – в 1768 и оборонительный союз Великобритании и Швеции – в

1765 г. (Складывание «Северной системы» Н.И. Панина в 60-е гг. XVIII в. // Вестник МГУ. Сер. История. 1999. № 6. С. 41–51).

Однако никто не обратил внимания на то, что «Северный аккорд» складывался параллельно с работой Панина над конституционным проектом. Рассмотрение «Северного аккорда» в контексте главной идеи Панина придает более глубокий смысл всему проекту. В политических системах северных стран в эпоху нарастающего кризиса феодальных монархий автор искал опоры и обоснования своего конституционного замысла.

В канун Французской революции, обнажившей глубокий кризис абсолютной монархии, Панин выступил с настойчивым требованием изменить форму государственного правления в России. Сторонник мирного решения вопроса, он стремился к торжеству закона, к установлению конституционной монархии, показав себя крупной исторической личностью своего времени.

2. Конституция Республики Семи Соединенных Островов (1799 г.)



Ф.Ф. Ушаков

Влияние Французской революции на все страны Европы было очевидным и поучительным. Екатерина II, отказавшаяся в 1775 г. поддержать Англию в ее борьбе с революцией в восставших североамериканских колониях, теперь вступила в коалицию с Англией и Австрией для борьбы с последствиями революции во Франции. Развернувшаяся уже после

ее кончины война России с Францией в 1798–1799 гг. с появлением Наполеона стала еще более решительной.

Новый император Павел I, напуганный революцией во Франции и одновременно не желающий придерживаться внешнеполитического курса Екатерины, прибегнул к противоречивому курсу, который позже А.И. Герцен назвал «деспотическим и революционным». В идеях Павла переплелись, казалось бы, несовместимые идеи: стремление к гегемонии в Европе, служение «общему благу» и попытка борьбы с революционной опасностью. Император Павел воспринимал Наполеона Бонапарта как борца с революцией и позволял себе высказываться в пользу Наполеона в то время, когда Россия в союзе с Англией и Австрией воевала против Франции. В Наполеоне он видел сильную личность и мог утверждать так: «Что касается сближения с Францией, то я бы ничего лучшего не желал, как видеть ее прибегающей ко мне, в особенности, как противовес Австрии» (цит. по кн.: *Милютин Д.А.* История войны между Россией и Францией в царствование Павла I в 1799 г. СПб., 1852. Т. V. С. 498).

Участвуя во второй антифранцузской коалиции, Россия преследовала свои национальные интересы. Их выразителем стал адмирал Ф.Ф. Ушаков. Блестящий флотоводец и основатель Черноморского флота, он с 1790 г. командовал русской Черноморской флотилией. Ушаков успешно провел военную операцию во время Средиземноморской войны России в 1798–1799 гг. Одержав блистательную победу при острове Корфу в 1798 г., он взял на себя смелость провести на семи островах, освобожденных от французов, административную реформу, которая по существу была конституцией Республики Семи Соединенных Островов (1799 г.), находящихся под протекторатом России и Турции. Это были острова: Корфу, Кефалиния, Закинф, Левкое, Итака, Паксос и Китиру.

Ф.Ф. Ушаков проявил себя как выдающийся мыслитель своего времени. Учитывая современные конституционные веяния как результат разочарования во Французской революции, он, вопреки настояниям турецкого султана Селима III, попытавшегося присоединить острова к Османской империи, провозгласил на островах республиканский строй.

Ушаков разделял либеральные идеи Просвещения, был сторонником «истинной монархии» с ее разделением ветвей власти: законодательная власть отделена от исполнительной и судебной. Он разделял и убеждение Монтескье о том, что географически пространные государства должны сохранить монархию, а малые географические территории могут иметь республиканский строй. Он учитывал настроения местной элиты и исторические традиции. Еще в средние века на горном побережье Адриатики с центром в Дубровнике существовала Дубровницкая Республика, игравшая большую роль в транзитной торговле. Жители семи соединенных островов хранили в благодарной памяти этот исторический опыт, и Ушаков учел их настроения. Вместе с губернатором острова Кефалинии адмиралом графом А. Орно русский адмирал Ушаков составил «Предварительный план управления освобожденными от французов бывшими венецианскими островами». Документ назывался «Временным планом». В нем определялся государственный порядок островов.

Высшим органом власти становились Генеральные советы Семи Островов. В выборах участвовало дворянство и «цензовые второклассные». Из состава Генеральных советов избирался высший орган законодательной власти – Сенат. Сенат ведал финансами, армией и мог вносить изменения в конституцию. Сенат избирался членами Советов Семи Островов. Ежегодно половина состава Сената переизбиралась.

Исполнительная власть находилась в руках президента Сената, избираемого из числа сенаторов на полтора гола.

Нормы представительства в Сенате определялись по количеству избирателей и размеру островов. Корфу, Кефалиния и Закинф, как крупные острова, избирали по три депутата; норма представительства от сословий дворян и «второклассных» определялась также величиной островов.

Судебная власть принадлежала выборным трибуналам.

Ионические острова превращались в конституционную республику. Местное управление получал каждый остров. Все острова объявлялись Централизованным унитарным государством («Временные правила» опубликованы в кн.: *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблема Средиземноморья. 1798–1807. М., 1961. Т. 11. С. 158).

Ушаков предпочитал среднюю линию и равновесие общественных сил во имя «Общего блага». Другой точки зрения придерживался русский посланник в Стамбуле В.С. Томара. Он отстаивал консервативно-аристократический вариант конституции. Противоборство этих двух сановников доказывало, что Федор Федорович Ушаков тонко улавливал изменившийся европейский мир и предложил конституцию, определяющую необходимость частичного приспособления к новому порядку в европейском послереволюционном мире.

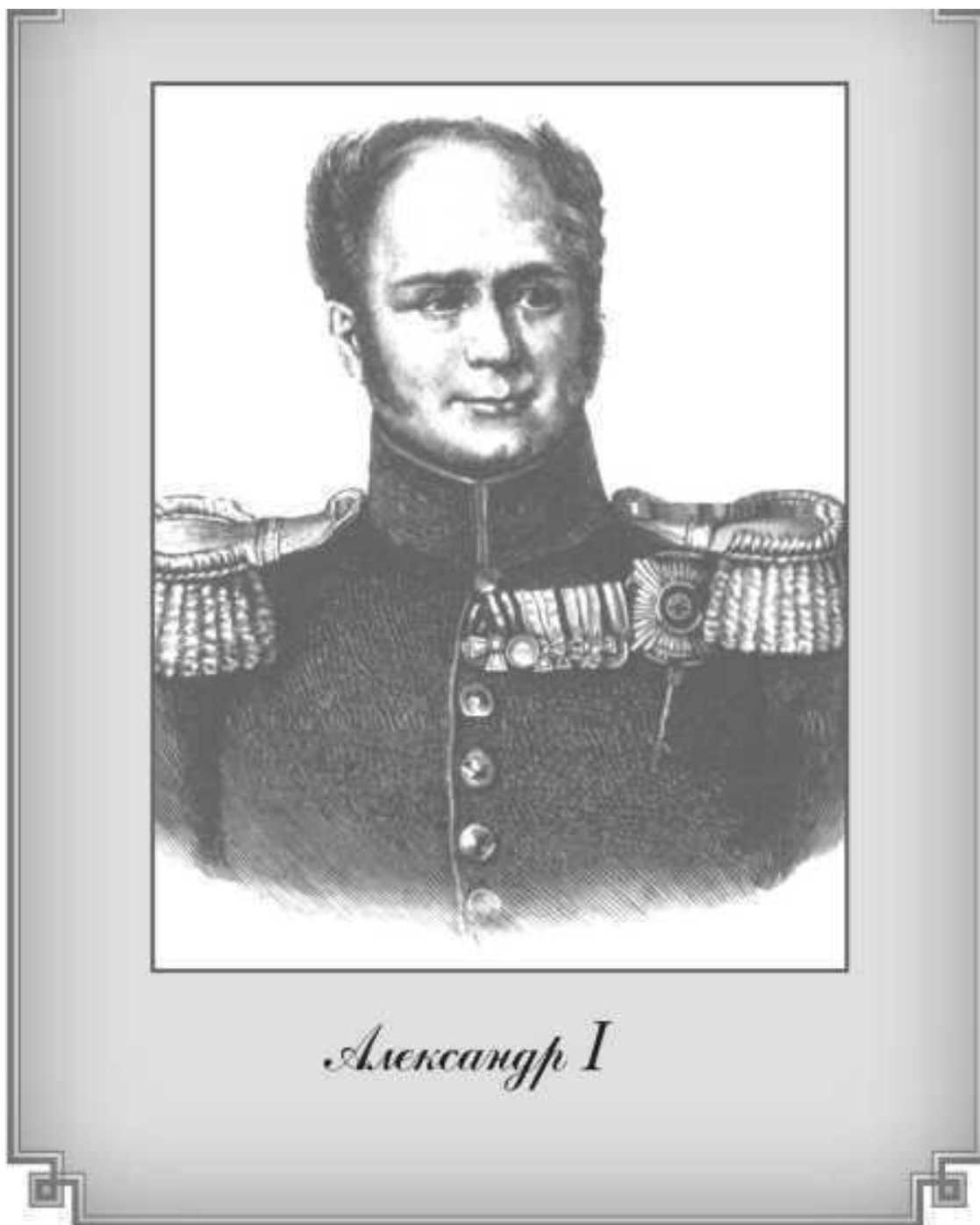
Политические права жителей семи соединенных островов определяют первые 30 статей. Активным избирательным правом пользуются: потомственное дворянство и так называемые второклассные, которые имеют определенное имущество и общую веру (православие). Специально было оговорено, что избирательным правом пользуются и те лица, которые преуспели «в науке, художествах и т. д.» и получили чиновное дворянство. Не получали избирательного права те лица, которые занимались «черным трудом», в том числе торговлей.

По предложенной Ушаковым Конституции Республики Семи Соединенных Островов Сенат должен был согласовать этот проект в Петербурге и Константинополе. «Временные правила» не были полностью реализованы. По настоянию Турции они были заменены «Византийской конституцией» 1800 г., восстановившей преобладание дворянства на Ионических островах. Тем не менее, «Временные правила» – Конституция Семи Соединенных Островов 1799 г., предложенная русским адмиралом Федором Федоровичем Ушаковым, имела историческое значение.

Политика Российской империи на Ионических островах значительно усилила влияние этой державы в Средиземноморье, а «Временные правила» положили начало нового внешнеполитического курса России, который вполне открывал «конституционную дипломатию» Российской империи.

Кроме того, Конституция Семи Соединенных Островов продолжила историю русской конституционной мысли.

3. Проект «Всемиловитвейшей жалованной грамоты, российскому народу жалуемой» (1801 г.)



Конституционная идея пережила и графа Панина, и «Временные правила» Ионических островов и органически перешла в девятнадцатый век. Она укоренилась в сознании наиболее образованной части общества, имеющей длительные связи с Западной Европой. Выразителями ее стали вельможи графы Воронцовы. Их давние связи с императорской властью давали им право на самостоятельное мнение.

Граф Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767) верно служил императрице Елизавете Петровне, стоял за саями, на которых еще цесаревной она въезжала в казармы Преображенского полка в ночь провозглашения ее императрицей. Он выгодно женился на двоюродной сестре императрицы – А.К. Скавронской и в 1744 г. был назначен вице-канцлером, а в 1758 г., когда А.П. Бестужева-Рюмина постигла опала, М.И. Воронцов получил пост канцлера. К новой императрице Екатерине II он отнесся враждебно, что и привело к его отставке с поста канцлера в 1763 г. Его племянники Александр Романович и Семен Романович Воронцовы были тоже оппозиционно настроены по отношению к Екатерине II.

Старший из братьев – Александр Романович (1741–1805) учился в Страсбургском военном училище, бывал в Париже и Мадриде и составил для дяди вице-канцлера описание испанского политического строя. Александр Романович обладал государственным умом, был одним из влиятельных сенаторов, занимал пост президента Камерц-коллегии. А в царствование императора Александра I занимал пост канцлера до своей смерти в 1805 г.

Его брат граф Семен Романович Воронцов (1744–1832) был блестящим военным. Он отличился в битвах при Ларге и Кагуле, много служил по дипломатической части, был полномочным министром в Венеции в 1783 г., в 1785 г. в том же ранге был переведен в Лондон. Он был умен и образован и пользовался большим влиянием, несмотря на разногласия с императрицей Екатериной II. Его положение давало ему преимущества высказывать свои взгляды и обращаться к императрице с политическими записками и предложениями.

Взгляды братьев Воронцовых в канун революции во Франции, в эпоху французского Просвещения, были оппозиционны по отношению к русскому абсолютизму. Имена французских просветителей были знакомы Воронцовым не только по их сочинениям – со многими из них они находились в личном контакте. А.Р. Воронцов был знаком с Вольтером, встречался с ним в 1757 г. при дворе пфальцграфа в Шветцингене, бывал гостем Вольтера в его поместье в Ферне в 1760 г. Вольтеровская библиотека Воронцова – одна из ценнейших в России.

Братья Воронцовы, усвоив некоторые идеи французского Просвещения, возглавили своеобразное русское просветительское течение – вольтерианство. Воронцовы осуждали абсолютизм Людовика XVI и Марии-Антуанетты, но и революцию не могли принять. В «Записке к графу А.А. Безбородко», который был другом Александра Романовича и в то время возглавлял Коллегию иностранных дел, Воронцов летом 1791 г. писал: «Сей перелом во французской конституции и все то, что им опрокинуто, заслуживает особого внимания Государей, дворянства» (Архив князя Воронцова. Т. 2. С. 501).

Отмена революционным правительством феодальных привилегий, сословных преимуществ дворянства и вся цензовая конституция 1791 г. – все эти нововведения Учредительного собрания Франции вызывали у А.Р. Воронцова и его корреспондента А.А. Безбородко отрицательную реакцию. Он выдвигал определенную политическую программу, созвучную тем положениям, которые вошли в «Пильницкую декларацию» 27 августа 1791 г. Этот документ стал свидетельством первой антифранцузской коалиции монархических правительств Австрии и Пруссии.

А.Р. Воронцов призывал канцлера Безбородко содействовать вступлению России в антифранцузскую коалицию. Он обращался с призывом ко всем монархам Европы издать декларацию, направленную против революции во Франции, консолидироваться с венским и иными дворами по охране королевской семьи Людовика XVI, покровительствовать королевской партии и разорвать дипломатические отношения с революционной Францией.

После казни Людовика XVI в январе 1793 г. отрицательная оценка Французской революции приобретает у Воронцова категорический тон. «Лучше быть соседями антропофагов, чем ужасной Французской республики... Лучше жить в Марокко, чем в этой стране мнимого равенства и свободы», – восклицал другой Воронцов – граф Семен Романович.

Их политическая программа исходила из полного отрицания революции как метода общественного преобразования. Но они и не желали сохранения старого режима абсолютной монархии. Их позиция не была чисто аристократической или олигархической. Свидетельством того может служить отношение графа Александра Романовича к своему сотруднику по Камерц-коллегии и Петербургской таможне Александру Николаевичу Радищеву. И это отношение во многом проясняет политическую позицию Воронцовых.

В фамильном собрании Воронцовых сохранилось большое количество рукописей Радищева. Это несомненное свидетельство близкого сотрудничества демократа Радищева и аристократа Александра Воронцова. Некоторые из автографов Радищева имеют следы правки и замечаний его патрона и покровителя графа Воронцова. Многолетняя переписка этих двух незаурядных личностей, не прерывавшаяся даже в годы гонений на «политического преступника» Радищева, – свидетельство человеческих отношений и нравственных норм той эпохи.

Александр Николаевич Радищев, изучавший историю, филологию и право в Лейпцигском университете, воспитанный на просветительской философии К. Гельвеция, Вольтера, Д. Дидро, Жан-Жака Руссо и Г. Мабли, был одним из самых образованных людей своего времени. Он вернулся на родину в 1771 г. Служба в Первом департаменте Сената скоро пробудила в нем критические настроения. Этот общественный протест особенно возрос после восстания Пугачева, свидетелем которого стал Радищев. В это время он занимал должность дивизионного прокурора в штабе девятой финляндской дивизии. Через его руки проходили дела беглых рекрутов, штрафных прокуроров. Перед ним открывалась бездна безысходной солдатчины, отупляющий ужас карательных экспедиций против народных движений. Выход в отставку стал неизбежным шагом в дальнейшей его судьбе.

С 1776 г. Радищев – чиновник Камерц-коллегии, председателем которой был граф Воронцов. Изучение экономической жизни страны, торговли ее с соседними государствами расширили экономические познания Радищева. Многочисленные поездки по стране открыли перед ним истинную картину состояния крепостного населения. Служебные отчеты читаются теперь как обличительные памфлеты. Радищев поднимает голос в защиту тех, кто «по принуждению должен оставить навсегда может быть дом свой... жену, детей и расстаться со всем тем, что делает приятности общественного сожития и узы крепит общества...» (Проект Радищева о податях, 1786–1788).

В этом вполне легальном служебном документе, поданном в Камерц-коллегию своему начальнику А.Р. Воронцову, обличаются и «прихоти начальства», и «местные правила». В дальнейшем сила его обличения разовьется до масштабов обличения всей государственной системы Российской империи. До призыва к уничтожению тирана-самодержца. Вершиной общественно-политической программы Радищева явилось его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву». Над этим сочинением, которое сам Радищев считал «главным вопросом своей жизни», он работал с 1783 по 1790 г.

1783 годом датируется ода «Вольность», частично вошедшая в «Путешествие...»:

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает;
В различных видах смерть летает
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы;
Се право мщенное природы

На плаху возвело царя.

Когда Радищев был осужден как политический преступник, А.Р. Воронцов выразил к нему симпатию и сочувствие. В письме к брату в Лондон он писал Семену Романовичу Воронцову: «Я не знаю ничего более тяжелого, как потерять друга, в особенности, когда не распространяешь широко свои связи... Я только что потерял, правда, в гражданском смысле, человека, пользовавшегося уважением двора и обладавшего наилучшими способностями для государственной службы. Его предполагалось назначить вместо г-на Даля, и на этом поприще его помощь мне была велика. Это господин Радищев; Вы несколько раз видели его у меня, но я не уверен, что вы хорошо знали друг друга. Кроме того, он исключительно замкнут последние семь или восемь лет. Я не думаю, чтобы его можно было бы заменить; это очень печально. Не был ли он вовлечен в какую-то организацию? Но что меня, однако, более всего удивило, когда случившееся с ним событие стало широко известно, это то, что я в течение долгого времени считал его умеренным, трезвым и абсолютно ни в чем не заинтересованным, хорошим сыном и превосходным гражданином... он только что выпустил книгу под названием “Путешествие из Петербурга в Москву”. Это произведение якобы имело тон Мирабо и всех бешеных Франции» (ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 43. Лл. 432–435).

Всю ссылку Радищева сопровождали письма к нему графа А.Р. Воронцова. Он писал к губернаторам всех городов, через которые ссыльный Радищев следовал, желая облегчить его участь. Граф Воронцов взял под опеку малолетних сыновей Радищева и вел переписку об этом с братом Радищева Моисеем Николаевичем. История отношений Радищева с графом Воронцовым не ограничивается лишь личными контактами, но обнаруживает и определенную идейную связь.

Среди бумаг Радищева за 1790 г. в архиве А.Р. Воронцова имеется документ под названием «Вопросные пункты коллежскому советнику и кавалеру Радищеву». Самого сочинения крамольного Радищева в архиве Воронцова нет, но известно, что сочинение «Путешествие из Петербурга в Москву» Воронцов хорошо знал. Представляет интерес сохранившийся в рукописном собрании А.Р. Воронцова «Разбор книги “Путешествие из Петербурга в Москву”», сделанный императрицей Екатериной II. Можно вполне допустить, что «Разбор» был важен для владельца не только как средство защиты Радищева, но и как материал для нападок на императрицу

Несколько страниц сочинения Радищева посвящено зверскому обращению помещиков со своими крепостными. Императрица замечает: «Суетное умствование». Воронцов возражает здесь же на страницах рукописи: «Он был царь. Скажи, в чьей голове может быть больше несообразности, если не в царской!» (Архив ЛОИИ. Ф. 36. Л. 67).

Одним из сочинений Радищева, написанных после ссылки, был «Проект гражданского уложения». В редактировании его участвовал А.Р. Воронцов. Сенатор вполне одобряет красноречивую формулировку защиты свободы личности в «Проекте гражданского уложения», заимствованную из английского законодательного акта «Habeas corpus act». Этот важнейший правовой акт английского законодательства XVI в., определяющий защиту свободы личности, позже вошел во «Всемиловейшую жалованную грамоту, российскому народу жалуюмую». Одна из статей этого документа гласила: «если человек арестован и ему не будет предъявлено обвинение в течение трех дней, он должен быть освобожден из-под стражи». Это положение о защите свободы личности – краеугольное в европейском законодательстве. Его введение во «Всемиловейшую грамоту» отражало близость Воронцова и Радищева по ряду правовых вопросов.

Но были вопросы, которые никогда бы не сделали этих двух людей единомышленниками. Вопрос о помещичьей собственности на землю, о движимом и недвижимом имуществе приобретает для Воронцова особую остроту. Именно здесь проходит та грань, которая

разделяет Воронцова и Радищева. В своих пометках на полях радищевских параграфов: «О правах вещественных, об имуществах и владении»; «О правах собственности», «О приобретении имений, переходящих в распоряжение на случай смерти» Воронцов – крупнейший землевладелец России – предостерегает Радищева от слишком широкого толкования права займа для всех социальных категорий. Он предлагает Радищеву уточнение в праве «подарка» и поднимает голос в защиту наследственного права на помещичью собственность. «Чтобы лишить наследства, – замечает он на полях радищевского «Проекта», – должны быть вполне важные причины».

Однако уважение, которое Воронцов испытывал к демократу Радищеву, проявилось в уникальном памятнике конституционной мысли самого начала XIX в. – «Всемиловитейшей жалованной грамоте». Вопрос о причастности Радищева к работе над этим документом, принадлежащим перу сенатора Александра Романовича Воронцова, до сих пор дискусируется.

Этика того времени вполне допускала, что за блестящими формулировками графа Н.И. Панина мог скрываться скромный секретарь Денис Фонвизин; за проектами сенатора Воронцова – чиновники Радищев или Сперанский. Круг приближенных царя исключал внимание к кому бы то ни было, стоящему за тем или другим политическим проектом. Имя же Радищева вообще не могло быть упомянуто. Он только что был возвращен из ссылки, занимал небольшую должность и стоял на слишком низкой ступени иерархической лестницы.

«Всемиловитейшая жалованная грамота» – один из первых документов, содержащих идею представительного правления. Задуманный как Манифест на воцарение Александра I, этот документ претерпел сложную историю, так и не был принят официально и остался в Государственном архиве. Он составлялся сенатором графом А.Р. Воронцовым еще до воцарения императора Александра I. Причастность А.Н. Радищева к авторству этого документа доказывается сопоставлением его с текстом «Путешествия из Петербурга в Москву» и более поздним его сочинением – «Описанием моего владения».

По всей видимости, Воронцов поручил Радищеву разработку статей «Грамоты» о крестьянской собственности. Параграф 25 утверждает «право частной собственности, упраздняя деление имущества на родовое и благоприобретенное», т. е. помещичья собственность заменяется частной.

Сохранилось три редакции «Всемиловитейшей грамоты». Основным ее автором был граф Александр Романович Воронцов, который подготовил ее к 23 апреля 1801 г. как Манифест на воцарение Александра I. Эта редакция имела 26 параграфов. На заседании Негласного комитета краткий вариант «Грамоты» под названием «Articles» обсуждался 23 июля 1801 г. Окончательный текст «Грамоты», представленный Воронцовым императору Александру 113 августа 1801 г., имел уже 28 параграфов и был дополнен положениями о Сенате, заимствованными из новой записки Воронцова «О Сенате».

Однако император Александр не решился ее утвердить ни в одной из трех поданных ему редакций. Принятая официально, «Грамота» потребовала бы слишком далеко идущих изменений жизни крепостной России.

Последняя попытка склонить императора к принятию «Всемиловитейшей грамоты» относится к коронации в сентябре 1801 г. Но и тогда Александр I отклонил ее и с ремаркой: «В Государственный архив» передал Д.П. Трошинскому – председателю Непременного совета. Так этот документ, уже отвергнутый верховной властью, прошел через руки сотрудника Трошинского М.М. Сперанского, который отредактировал параграф о крестьянской собственности. Он расширил понятие движимой собственности. Кроме: «сохи, плуга, бороны, косы, телеги» он включил: «лошади, волы, житницы с семенным хлебом, овины или риги и другие земледельческие строения». Кроме того, он на полях «Грамоты» вписал право крестьянам, в том числе помещичьим, т. е. крепостным, дать возможность покупать

незаселенные земли, т. е. предоставить им право на недвижимую собственность (РО ГНБ. Ф. 637. Д. 922. Лл. 8-10).

Гораздо позже секретарь Сперанского К.Г. Репинский, разбирая его бумаги, поставил на этой редакции «Всемиловитвейшей жалованной грамоты» ошибочно дату – «сентябрь 1802 г.» вместо «сентябрь 1801 г.».

Император Александр I так и не удостоил вниманием документ, вобравший авторские усилия таких выдающихся людей, как граф А.Р. Воронцов, А.Н. Радищев, М.М. Сперанский.

Между тем, содержание «Всемиловитвейшей жалованной грамоты» стало той идейной основой, на которой пытались объединиться ведущие политические течения русского общества самого начала XIX столетия, вступившего в эпоху постреволюционной Европы и нарастающего кризиса сословных монархий.

Полный текст «Всемиловитвейшей жалованной грамоты» 1801 г. приведен ниже (Приложение 2).

4. План государственного преобразования М.М. Сперанского (1809 г.)



М.М. Сперанский

Следующим конституционным проектом, также не увидевшим света, был проект политических реформ уникального реформатора Михаила Михайловича Сперанского. Появление Сперанского, как носителя конституционной идеи, было ключевым этапом в развитии конституционной мысли в России.

Сперанский – человек из народа. Его появление предвещало приход разночинцев в общественную и государственную жизнь России. Само появление этого человека, сумевшего встать в один ряд с ведущими мыслителями своего времени, уникально. За свою не очень долгую жизнь (1772–1839) Сперанский сумел подготовить радикальные реформы по ряду областей государственной политики. И хотя они не были сразу приняты государственной властью, его идеи легли в основу Великих реформ 60-70-гг. XIX столетия и послужили примером для развития русского парламентаризма начала XX в.

Сперанский, точнее, Михайло Михайлов, родился в 1772 г. в глубокой провинции – в старинном селе Черкутино Владимирской губернии в бедной семье сельского священника. С детства отличался большими способностями, на которые поначалу никто не обращал внимания. В семилетнем возрасте поступил в духовную семинарию губернского Владимира, которую блестяще окончил.

В 1790 г. Александро-Невская духовная семинария в Петербурге преобразовалась в первую в России духовную академию. Сюда стали присылать из провинции способных выпускников. Так Сперанский, получивший фамилию во Владимирской семинарии (от латинского *sperare* – надеяться), попал в Петербург.

Вскоре он и там обратил на себя внимание незаурядными способностями и удивительным трудолюбием. Он стал преподавателем академии по риторике, богословию, физике и математике. Самостоятельно выучил французский язык и читал произведения французских просветителей. Его личный архив в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Петербурге поражает обилием литературных упражнений, стихов, философских и публицистических сочинений (ОР РНБ. Ф. 731).

В Петербурге Сперанскому удалось сделать головокружительную карьеру. Сначала он попал в качестве домашнего секретаря к князю Куракину, чье имение находилось поблизости от Александро-Невской лавры. С 1797 г. он был зачислен на службу при Куракине с чином титулярного советника, затем – коллежского советника, а с воцарением императора Александра I – государственного секретаря Государственного Совета. Позже перешел на службу к графу В.П. Кочубею в Коллегию иностранных дел, где по воле случая познакомился с императором Александром I, который сразу же выделил Сперанского среди чиновников, его окружавших, и предложил ему пост статс-секретаря при императоре. Его головокружительная карьера породила зависть и клевету в придворных кругах, где к нему прилипло презрительное прозвище *parvenu* – выскочка.

Близкое сотрудничество Сперанского с царем все больше придавало ему веса. В особенности расположение императора к своему секретарю усилилось после свидания Александра I с Наполеоном в Эрфурте в сентябре 1808 г. Удача этого свидания заключалась в определенном разделе интересов России и Франции. Наполеону была предоставлена свобода рук в Польше, а России – право на победоносную войну на северо-западе и отторжение Финляндии от Шведского Королевства.

После завершения русско-шведской войны и заключения Фридрихсгамского мирного договора в 1809 г. встал вопрос о государственном статусе Финляндии, вошедшей в состав Российской империи.

И, несомненно, под влиянием убеждений Сперанского русский император издал 20 января 1809 г. повеление о созыве народных представителей Финляндии в Борго. И через несколько недель император в сопровождении Сперанского и русского канцлера С.П. Румянцева выехал в Финляндию для торжественного открытия финского Сейма.

Подготовить текст конституции Финляндии было поручено Сперанскому. Так же как и составить речь при открытии первого финского Сейма.

В Петербурге была создана специальная комиссия по финляндским делам, в которую, также по совету Сперанского, вошли представители финской аристократии. Возглавлял

комиссию епископ Тангенстрен. Крыло сторонников более радикальной конституции возглавлял генерал Спренгпортен, бывший посол Финляндии в Петербурге. Однако весь текст конституции Финляндии принадлежал перу Сперанского.

15 марта 1809 г. было обнародовано Удостоверение финляндской конституции, подписанное русским царем Александром I. В этом предварительном документе было обещано введение незыблемых законов, соблюдение прав и привилегий всех сословий. Сперанский вложил в этот документ свои излюбленные идеи о всесословном парламенте. Но вместе с тем именно он, Сперанский, советовал царю сохранить все старинное шведское законодательство, которое составляло историческую традицию народа Финляндии.

17 марта 1809 г. состоялся торжественный акт чтения конституции и принесение присяги каждым из сословий своему новому монарху – великому князю Финляндскому, императору всероссийскому – Александру I.

Речь Александра I – абсолютного монарха звучала диссонансом по отношению к представителям всех сословий Финляндии. По существу она была речью главы конституционного государства.

С каждым новым актом, обращенным к Финляндии, Сперанский делал новый шаг по направлению к цивилизованному конституционному строю. Он определял значение свободы слова, общественного мнения, народного представительства, частной собственности, охраны человеческого достоинства. Он не устал повторять царю – Финляндия не провинция, не губерния, а государство.

Финская конституция поставила Россию в очень выгодное положение накануне войны с Наполеоном. Когда Наполеон дал понять Шведскому Королевству, что предоставляет ему свободу рук относительно Финляндии, Швеция не смогла этим воспользоваться – Финляндия благодаря своей конституции предпочла остаться под скипетром Российской империи.

Еще во время Эрфуртского совещания Александр I спросил Сперанского: «Как нравишься тебе за границей?» Сперанский отвечал: «У нас люди лучше, но здесь лучше установления». Император ему отвечал: «Мы еще поговорим с тобой об этом, когда воротимся!» И царь сдержал свое слово: вернувшись в Петербург, он поручил Сперанскому план государственного преобразования России.

Сперанский, образованнейший человек своего времени, сумел облечь в понятные правовые нормы, господствовавшие в послереволюционной Европе, свои политические идеи. Он понимал необходимость политических реформ в России. «Если Бог благословит все сии начинания, то в 1811 г., к концу десятилетия настоящего царствования, Россия воспримет новое бытие и совершенно во всех частях преобразится» (воспоминания современника). Сперанский был совершенно уверен в успехе своего замысла. Он с большой осторожностью относился к расположению царя и стремился ничем не дать ему повода заподозрить его в неуважении монаршей власти.

Сперанский с большим искусством составил документ под названием «Введение к уложению государственных законов». Это была своеобразная конституция России. Его проект предусматривал глубокую реформу общественного и государственного строя России, при этом он постарался сделать так, чтобы самолюбие царя не пострадало.

Из всего хаоса предшествующих правовых документов, полученных в наследство от своих предшественников, он создал лаконичный, глубокий, насыщенный новейшей политической мыслью, приспособленный к реальной обстановке в России план государственного преобразования. Образованность Сперанского, глубокое понимание насущных потребностей России и фантастическое трудолюбие сделали свое дело.

Основная и насущная задача Сперанского – реализация идеи народоправства. Он стремился реализовать идею участия народа в управлении государством, но при сохранении власти императора, хотя и ограниченной. Принцип разделения властей был основополагающим

в его проекте. Законодательная власть отделялась от исполнительной и судебной. Важнейшим принципом его проекта было положение о первенстве закона как основы государства. Сперанский исходил из того, что народ еще надо приучить к народоправству, и уже поэтому его идея в большей степени осуществлялась на местах.

Его конституционный план имел следующий вид:

ПЛАН ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ М.М. СПЕРАНСКОГО



План государственного преобразования М.М. Сперанского

К этой схеме прилагалась система выборов во все органы центральной и местной власти. Свободное население Российской империи должно быть поделено на три группы: дворянство, люди среднего состояния и народ рабочий. Все три группы обладали «гражданскими правами общими», т. е. провозглашалась свобода личности (за исключением крепостного крестьянства). Выборы должны были быть ступенчатыми: волостные Думы избирали депутатов в Думы окружные, те в губернские, и только последние – в Думу Государственную, так что на каждом уровне все избиратели имели возможность лично знать тех, кого они избирают.

«Права гражданские частные» могли принадлежать только тем, «кои образом жизни и воспитания к ним будут приуготовлены», т. е. людям, обладающим определенным имущественным цензом. В зависимости от величины ценза эти категории населения могли участвовать и быть избранными в определенные органы власти на местах. Третья категория населения, кроме «прав гражданских общих», имела и «права политические». Эту группу населения составляло дворянство, на которое Сперанский возлагал наибольшие надежды. Дворянство приобретало статус опоры императорской власти. В этом отношении Сперанский повторял принцип Монтескье о значении дворянства как опоры монархической власти.

План Сперанского тщательно оберегал полномочия монарха, хотя, разумеется, власть уже не могла быть абсолютной. План Сперанского был подступом к конституционной монархии. Известный легитимист граф Жозеф де Местр, находясь в Петербурге, особо отметил роль Сперанского в ту пору в государственной политике. Он называл его «великим и всемогущим Сперанским, генеральным секретарем Империи, на деле премьер-министром или даже уникальным министром».

Император был под обаянием личности Сперанского. 1 января 1810 г. он назначил его на должность государственного секретаря новоучрежденного Государственного Совета. В Плане Сперанского этот орган власти должен был венчать всю созданную им систему реформ, где русская идея патриархальной монархии сочеталась с европейской идеей народо-властия. Но далее Государственного Совета дело не пошло, и блестящий план Сперанского пополнил ряд неосуществленных конституционных замыслов России.

К началу 1812 г. военные и дипломатические приготовления к войне были закончены, а вал зависти и клеветы в придворных кругах против Сперанского достиг своего апогея. Император Александр I колебался. Он очень ценил Сперанского. Он, несомненно, всерьез думал о конституции для России. Но не решился. Колебания – отличительная черта его характера – взяли верх. Сперанский был подвергнут жестокой опале.

В воскресенье 17 марта 1811 г. Сперанский спокойно обедал у госпожи Вейкарт, когда неожиданно появился фельдъегерь с приказом в тот же вечер явиться к Государю. Аудиенция продолжалась более двух часов. Сперанский был сослан в ту же ночь в ссылку в Нижний Новгород, потом в Пермь, а в 1819 г. получил поручение отправиться с инспекцией в Сибирь в чине генерал-губернатора.

В 1821 г. Александр разрешил Сперанскому вернуться в Петербург, но продолжал опасаться реформатора. Только в царствование Николая I Сперанский доказал, что может быть еще полезен государству.

Человек исключительный по своей образованности и осведомленности в современных ему принципах права, Сперанский создал целый ряд проектов представительного правления в России. Менее известны его проекты по крестьянскому вопросу. Изучение его личного архива и архива его секретаря Козьмы Григорьевича Репинского (ОР РНБ. Ф. 731. Ф. 637. Д. 837. Д. 899) позволило выявить документы, содержащие предложения об освобождении крепостных крестьян.

Его план основывался на принципах законности; сочинение на эту тему имеет название «Историческое обозрение изменений в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян». Автор этого документа прослеживает историю закабаления крестьян. Для него была очевидной связь свободы человека с правом собственности. Придавая большое значение праву собственности, Сперанский отстаивает принцип неприкосновенности личности, свободы человека. Вышедшие из-под его пера документы пронизаны формулировками, заимствованными из французских конституций 1791 и 1793 гг. «Свобода заключается в возможности делать все, что не вредит другому», гласит статья четвертая «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г., предваряющая конституцию 1791 г. «Свобода – это

принадлежащая всем и каждому человеку возможность делать все, что не нарушает прав другого...» – сказано в статье шестой конституции 1793 г.

В одном из правовых документов Сперанского имеется перефразировка этих французских статей: «...я желаю того, что не вредит никому, желаю того, что я позволил бы и другим... желаю не стеснять их свободы...» (РО РНБ. Ф. 637. Д. 899. Л. 28). Переложение на русский лад принципа свободы личности послужило для Сперанского правовой основой для постановки вопроса об освобождении крестьян.

Следующий примечательный документ, также впервые вводимый в научный оборот, «О крепостных людях», является как бы продолжением первого. Основываясь на принципе свободы, Сперанский анализирует в нем положение различных групп зависимых крестьян: дворовых, кабальных или холопов, крестьян, принадлежащих помещику. Все эти состояния определены в «Соборном уложении» 1649 г. Сперанский тщательно изучил их и выработал основанные на законе условия освобождения крестьян.

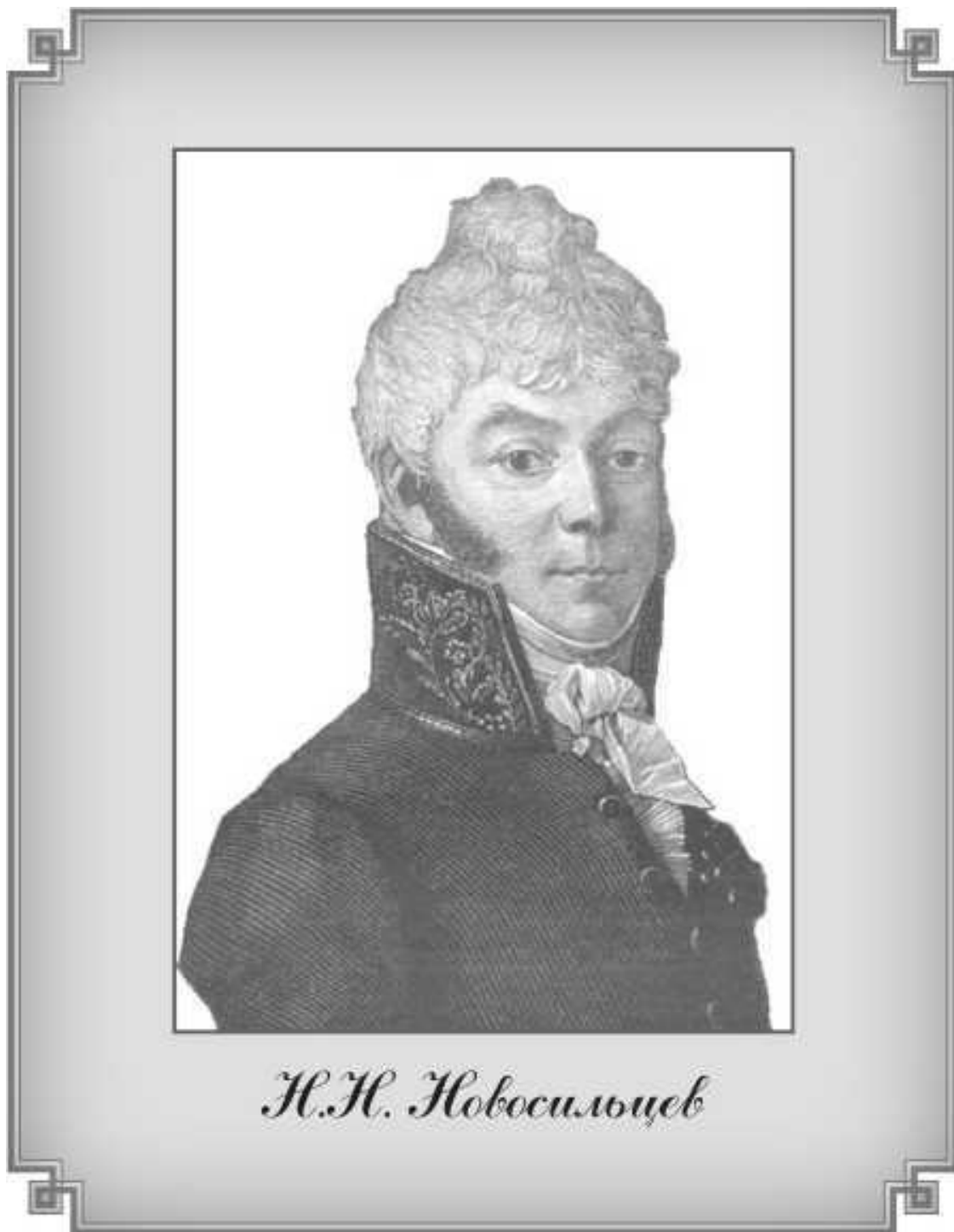
Он предполагал правительственную отмену тех законодательных актов XV–XVIII вв., на которых основывалось крепостное право, и освобождение в первую очередь наиболее зависимых категорий крестьян или перевод их в менее зависимые от воли помещика. Крепостное право в таких условиях как бы само собой должно было отойти в прошлое. Сперанский ратовал за личное освобождение крестьян и освобождение их с землей как собственностью, не оговаривая до поры – за выкуп или на иных условиях, за создание системы сельского крестьянского самоуправления, сельских судов без вмешательства помещиков. Он утверждал: «Крестьянин – принадлежность государства, а не отдельного лица».

В программе Сперанского много идей, которые позже воплотились в реформе государственных крестьян графа П.Д. Киселева в 40-е гг. XIX столетия и в «Положении 19 февраля 1861 года».

Критика Сперанским рекрутчины заставляет вспомнить о будущей военной реформе братьев Н. и Д. Милютиных, племянников графа П.Д. Киселева, министра государственных имуществ в 40-е годы.

Однако император Николай I призвал Сперанского заниматься не реформами, а кодификацией существующих законов. И он вошел в историю как составитель 45 томов «Полного собрания законов Российской империи» в 1826–1830 гг. и 15 томов «Свода» (действующих) законов в 1832 г.

5. Государственная уставная грамота (1818–1821 гг.)



Император Александр I отрёкся от Сперанского, но идея конституции для России его не оставляла.

После Отечественной войны 1812 г. жизнь заставила самодержавие снова поставить вопрос о пересмотре старых патримониальных форм. Александр I сумел использовать идею конституции в дипломатических целях. Эпоха конституционной дипломатии в ходе работы Венского конгресса 1814–1815 гг. определилась на основании пункта Акта Венского кон-

гресса от 14 (26) сентября 1815 г., предусматривающего дарование конституционных статусов всем вновь образованным территориям: Сенатскую конституцию 1814 г. Франции, Польскую конституционную хартию 1815 г. А вслед за ними были введены в 1818 г. конституция в Баварии, в 1819 г. цензовая конституция в Вюртемберге.

В актах Венского конгресса было оговорено создание «свободнозаконных учреждений» для Пруссии и Австрии. Делалась специальная оговорка и для России. По распоряжению Александра I вслед за Польской конституционной хартией 1815 г. в имперской канцелярии Царства Польского (в Варшаве), входившего на положении автономии в состав Российской империи, началась работа над «Государственной уставной грамотой» для России.

В условиях конституционной дипломатии Российской империи, выступившей инициатором создания общеевропейского Священного союза, когда начали действовать Польская конституция и с 1809 г – конституция Финляндии, императору Александру I было неудобно отставать от европейских государств в своих подвластных Польше и Финляндии.

В послевоенном Царстве Польском было неспокойно. Наместником царя был назначен великий князь Константин Павлович. Имперская канцелярия в Бельведерском дворце возглавлялась верным императору Александру Николаем Николаевичем Новосильцевым. Там кипела работа над текстом Французской сенатской конституции 1814 г. и Польской конституционной хартией 1815 г.

В Варшаве был расквартирован русский Литовский полк и другие части русских войск, наводненных прогрессивной дворянской молодежью. Среди них были и участники тайных революционных обществ. В этих условиях скромный чиновник Пьер Дешамп трудился над переводом Сенатской конституции, текст которой было решено положить в основу подготавливаемой русской конституции – «Государственной уставной грамоты». Специалистов явно не хватало. И царь с Новосильцевым решили пригласить опытного и эрудированного, а также верного престолу толмача-переводчика, князя Петра Андреевича Вяземского. Его лояльность была сильно преувеличена царским окружением: Вяземский к этому времени был уже тесно связан с декабристскими обществами, был участником оппозиционного литературного объединения «Арзамас».

Едва ли следует считать случайностью переговоры Вяземского с Николаем Ивановичем Тургеневым – одним из идеологов возникшего через некоторое время Северного общества декабристов, об издании в Варшаве русского журнала. Вяземский писал Н. Тургеневу 3 июня 1818 г.: «... хороший журнал был бы в самую пору и назвать его “Восприемником” (по традиционной связи с периодическим изданием

Новикова). Мы, то есть русские, могли бы обойтись вовсе без журналов, но при дурных журналах один хороший необходим» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 107). Однако замысел друзей Вяземского не осуществился.

П.А. Вяземский прибыл в Варшаву как чиновник Первого отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое занималось переводом государственных документов. Над ним стоял чиновник Второго отделения Императорской канцелярии Петр Дешан, в компетенции которого было создание проектов законов и положений. Но Петр Иванович Дешан был старым сотрудником русского делопроизводства, воспитанным в духе строгого следования законам. В 1819 г. Дешан умер, и полномочным чиновником в работе над «Уставной грамотой» остался Вяземский. Он проявлял горячую заинтересованность в подготовке русской конституции.

В марте 1819 г. Вяземский пишет Николаю Тургеневу о своем настойчивом желании создать такой проект конституции, который мог быть действительно полезен для России: «На теперешний перевод имею я большие упования» (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 1. С. 198).

Весьма важно отметить, что при переводе предшествующих конституционных актов (Сенатской конституции и Польской хартии) Вяземский широко пользовался и юридическими терминами и правовыми положениями, заимствованными из проектов Сперанского (*Вяземский П.А.* Поли. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 239–243). Кроме прямых упоминаний о Сперанском, осведомленность Вяземского в политических трактатах своего предшественника обнаруживается при сопоставлении разделов об административном и судебном устройстве во «Введении к уложению государственных законов» и в самой «Государственной уставной грамоте».

Вклад Вяземского, рядового чиновника, в составление «Государственной уставной грамоты» был неизмеримо большим, чем француза Дешана. В 1807–1808 гг. он числился иностранным юрисконсультom, затем вторым помощником реферendarия в Комиссии составления законов (Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи. СПб. Запись 1807 г. Ч. 1). Петр Андреевич Вяземский был образованнейшим человеком своего времени. Друг Пушкина, участник литературного общества «Арзамас», включающего интеллектуальную элиту либерально настроенных людей, Вяземский заверял своих друзей, что подготовит достойную конституцию для России.

Друзья по «Арзамасу» с большим напряжением следили за его работой в Варшаве. Проезжающий через Варшаву в 1819 г. Сергей Иванович Тургенев прямо называет «Государственную уставную грамоту» «проектом Вяземского» и считает, что этот документ «лучший, какой возможен в настоящих обстоятельствах» (*Лотман Ю.М.* Вяземский и движение декабристов // Ученые записки Тартуского университета. 1960. Вып. 98. С. 57. Прим. 112). Декабрист М.Ф. Орлов высоко ценил вклад Вяземского в создание официального проекта конституции и выражал надежду на представительное правление в России (Литературное наследство. 1956. Т. 60. Ч. 1. С. 21).

В зарубежной печати, между тем, все чаще появлялись суждения о готовящейся русской конституции. Прусский генеральный консул в Варшаве Шмидт сообщал в Пруссию министру иностранных дел графу Бернсдорфу о готовящейся русской конституции и вскоре послал ее первоначальный набросок: «*Precis de la charte constitutionnelle pour l'Empire russe*».

21 ноября 1819 г. во Франции в газете Бенжемена Констана «*La Constitutionnelle*» появилась заметка о введении в России конституции с кратким ее изложением. Когда это известие дошло до Вены, им заинтересовался К. Меттерних и поручил австрийскому послу в Петербурге Лебцельтерну разузнать подробности.

А Вяземский все продолжал мучиться над русским проектом конституции. Кроме того, он занимался переводами на польский язык речей императора Александра I на первом польском Сейме.

Работа над «Уставной грамотой» велась безостановочно, а император находился в больших сомнениях. Новый конституционный проект не должен был противоречить Польской конституционной хартии и в то же время считаться с самодержавным строем метрополии – Российской империи, и с теми сложными социальными явлениями, которые сложились к 20-м гг. XIX столетия. В разных частях России нарастало массовое движение, волна донских волнений, затянувшихся до 1820–1822 гг., на шумевшее восстание гвардейского Семеновского полка 1820 г. Проникновение мятежного духа в армию, в самый оплот, в гвардейские полки, призванные быть опорой самодержавия и личности императора, зарождающиеся офицерские артели – как предшественники тайных революционных обществ – все это страшило царя. Работа над «Уставной грамотой» затягивалась. Были готовы варианты – 1818 г., 1819 г., 1820, 1821 г. – и все они по прибытии князя Вяземского в резиденцию царя в Петербург, в Каменноостровский дворец, отвергались.

Вяземского, однако, не отстраняли от работы. В марте 1819 г. он был произведен в надворные советники, а в конце года получил чин коллежского советника. Он был полон

желания создать такой проект конституции, который действительно мог быть полезен России. В то время он делился своими настроениями с другом – Александром Ивановичем Тургеневым: «Впрочем, на теперешний перевод я имею большие упования, но... если я и тут не разгрызу ореха, то в тот же час ослицей прыг с рябины и, предавши тебя, потом всех и каждого проклятью, плюну на все – и по домам» (Остафьевский архив, т. 1. с. 109).

На первом заседании польского Сейма в 1818 г. император Александр I произнес весьма обещающую речь. Ее готовил также Вяземский. Приветствуя поляков, как обладателей представительной конституции, он приветствовал и создание законно-свободных учреждений в Европе и Польше и утверждал, что они будут введены и во «вверенном ему отечестве».

Содержание «Государственной уставной грамоты» во всех ее редакциях сохраняло идеи политической свободы, представительного правления и федерализма.

В статье 81 главы третьей сказано: «Без суда никто да не накажется; «чтобы никто без объявления ему вины снятия с него допроса в течение трех дней по задержании не лишился свободы и не содержался в тюрьме» (РО РНБ. Ф. 859. Шильдер Н.К. К. 19. № 6. Лл. 18–28).

В «Уставной грамоте» несколько статей отстаивают независимость личности и ее неприкосновенность и в большой степени воспроизводят те правовые документы, которые оставались потаенными. В более лаконичной форме они присутствуют в «Жалованной грамоте, российскому народу жалуемой» 1801 г. и нескольких записках Сперанского. Разумеется, заимствование и из западноевропейских правовых документов – Сенатской конституции Франции 1814 г. и Польской конституционной хартии 1815 г., также оказали сильное воздействие на составителей «Уставной грамоты» 1818 г. Это обстоятельство, важное само по себе, доказывает, что Вяземский, как и его русские предшественники, хорошо знал и использовал классическое английское законодательство. Принципы защиты личности заимствованы из английского законодательного свода «Habeas corpus act». Присутствие в «Уставной грамоте» статей о свободе личности доказывает стремление авторов предоставить русскому гражданину не только права гражданства, но и гарантировать свободу личности.

В «Уставной грамоте» представлен и другой европейский принцип законодательства – представительное правление, сопряженное с народоправством. В этом отношении «Уставная грамота» во многом следует Польской конституционной хартии 1815 г. Одним из свидетелей этого стал близкий друг князя П.А. Вяземского – Сергей Иванович Тургенев. Он читал один из первых проектов, подготавливаемый под большим секретом в Варшавской канцелярии Новосильцева. Сергей Тургенев замечает в своем «Дневнике»: «Вчера читал мне князь Вяземский некоторые места из проекта Российской конституции. Главнейшие основания ее те же, что и в польской» (Цит. по кн.: *Лотман Ю.М.* Вяземский и движение декабристов // Ученые записки Тартуского университета. 1960. Вып. 98. С. 57. Прим. 12).

Статья 91 главы третьей «Ручательства державной власти» гласила: «Да будет российский народ отныне и навсегда иметь народное представительство. Оно должно состоять в Государственном Сейме (Государственная Дума), составленном из Государя и двух палат. Первую под именем Высшей палаты образует Сенат, а вторую под именем Посольской палаты – земские послы и депутаты городских обществ» (РО ГНБ. Ф. 859. К. 19. № 6. Лл. 18–28).

Идея представительного правления в условиях господства крепостного права и абсолютной власти в России приобретала особый смысл. Она была высказана и раньше в проектах братьев Воронцовых, адмирала Н.С. Мордвинова, М.М. Сперанского. Ее новая жизнь в «Уставной грамоте» отвечала мятежному духу 20-х гг. XIX в., была преддверием идеи народного представительства в идеологических документах декабристов и уже имела своих сторонников в лице декабристского Союза спасения, Союза благоденствия, Ордена русских рыцарей и Общества соединенных славян, возникшего в 1823 г.

В «Уставной грамоте» идея представительного правления сочетается с важнейшим принципом разделения властей. По поводу законодательной функции авторы «Уставной грамоты» выдержали большую борьбу. Следуя известным европейским конституциям, идея представительного правления должна была бы сочетаться с принципами народного суверенитета. Однако, отступая от общего правила и даже от Польской конституционной хартии 1815 г., «Уставная грамота» провозглашала суверенитет русского царя-самодержца: «Государь есть единственный источник всех в империи властей: гражданской, политической, законодательной и военной. Он управляет исполнительной частью во всем ее пространстве...»

В четвертой статье подводился итог суверенитету самодержца: «Особа Государя священна и неприкосновенна» (РО ГНБ. Ф. 859. К. 19. № 6. Лл. 18–28).

Законодательная власть, хотя и переставала быть компетенцией одного монарха, но не становилась принадлежностью представительного органа власти. Она делилась между императором и Сеймом или между императором и местными сеймами. Мера уступок Государственному Сейму вызывала ожесточенную борьбу, затянувшую подготовку «Грамоты». В результате ожесточенных споров Государственный Сейм получил право совещательного голоса в проведении закона в жизнь. Последнее слово, в случае прохождения закона в жизнь, оставалось за императором. Но и с таким положением дел Александр I не хотел согласиться. В результате «Государственная уставная грамота» так и не вышла за пределы имперской канцелярии Новосильцева в Варшаве. Но, тем не менее, этот правовой документ в большой степени развил конституционную традицию. Определенную структуру получил представительный орган власти – Государственный Сейм, состоящий из двух палат: Сенат во время работы Сейма пополнялся новыми сенаторами, назначаемыми царем. Вторую палату представляла палата Земских послов. Она избиралась из послов и депутатов наместничеств по назначению императора.

Принцип разделения властей распространялся и на местные органы власти.

Весьма важной частью правовой основы «Уставной грамоты» стало толкование частной собственности и вводимый имущественный ценз для реализации избирательного права. «Всякая собственность, на поверхности земли находящаяся или в недрах оной сокровенная... признается священной и неприкосновенной. Никакая власть ни под каким предлогом посягнуть на нее не может... Посягающий на чужую собственность осуждается и наказывается как нарушитель общественного спокойствия» (РО ГНБ. Ф. 859. К. 19. Ст. 97). Введение имущественного ценза способствовало допущению в Посольскую палату представителей не только дворянства, но и городского населения и разночинной интеллигенции.

В «Уставной Грамоте» сохранялось и очень много элементов феодального права.

Главным итогом всех усилий П. А. Вяземского в течение 1818–1821 гг. стала остановка работы над этим конституционным проектом России, который нес обновление обветшавшему политическому строю общества.

«Государственная уставная грамота» также осталась потаенной. О ней стало известно неожиданно. В ходе восстания в Польше в 1830 г., когда 19 ноября повстанцы захватили Варшаву и создали временное правительство, в Имперской канцелярии среди других документов оказалась подготовленная русская конституция. Временное революционное правительство приняло решение обнародовать этот документ. А через девять месяцев, 27 августа 1831 г., карательная русская армия под командованием генерала Паскевича взяла штурмом передовые укрепления Варшавы. В книжных лавках свободно продавалась «Государственная уставная грамота Российской империи», изданная на трех языках: русском, французском и польском. Она была напечатана за полтора месяца до взятия Варшавы армией генерала Паскевича. Предисловие к русской конституции было написано министром иностранных дел повстанческой Польши – Андреем Гродецким. «Предоставляем русскому народу, – писал он, – оценить причины, по которым столь великая мысль, столь важное дело пришло в

забвение. Поляки горячо желают, чтобы это случайное открытие напомнило русскому правительству, что пора бы было, наконец, народу, повинующемуся ему и столь давно ожидающему улучшения своего политического существования, народу, состоящему из стольких миллионов угнетенных людей, начать, наконец, наслаждаться плодами конституционной монархии. Поляки сочли бы себя счастливыми, если бы, делая этот проект общеизвестным, они могли оказать тем услугу этому великому народу» (РО ГНБ. Ф. 859. К. 19. Д. 6. Лл. 49–50 об.).

Появление русской конституции в революционной Варшаве привело в ужас императора Николая I. 26 сентября он направил Паскевичу секретное письмо следующего содержания: «Чертков привез мне экземпляр проекта конституции для России, найденный в бумагах у Новосильцева. Напечатание сей бумаги крайне неприятно: на 100 человек наших молодых офицеров 90 прочтут, не поймут или презреют. Но 10 оставят в памяти, обсудят и, главное, не забудут (*подчеркнуто Николаем I*). Это пуще всего меня беспокоит. Для того столь желательно мне, как только возможно, продержат Гвардию в Варшаве, и вообще чаще менять в ней гарнизоны. Вели гр. Витту стараться достать елико возможно экземпляров сей книжки и уничтожить, рукопись отыскать и прислать ко мне, равно как и оригинальный акт конституции Польской. Который искать должно в архиве Сената» (РО ГНБ. Ф. 859. К. 19. Д. 6).

Паскевич со всем рвением принялся за дело и уже 15 ноября того же 1831 г. царь Николай сообщал Паскевичу из Москвы: «Я получил ковчег с покойницей конституцией, за которую благодарю весьма, она изволит покоиться здесь в Оружейной палате» (Там же. Письмо Николая I Паскевичу от 3-14 ноября 1831 г.).

Между тем книги русской конституции быстро разошлись по Европе, они были раскуплены в Польше, о них уже знали в России. Не случайно обеспокоенный царь приказал скупить разошедшиеся экземпляры и уничтожить. Секретная депеша полетела в Варшаву, и вскоре был получен ответ:

«Секретно.

Кн. Варшавский – гр. Чернышеву.

Варшава 26-го окт. 1831. № 646.

М. Г-рь граф А.И.

Препровождаю при сем к Вашей Светлости для предоставления Г.И. в двух запечатанных печатью Варшавского военного губернатора генерала от кавалерии гр. Витта в ящиках выкупленные нами 1578 экземпляров напечатанной здесь так называемой Русской Конституции.

Кн. Варшавский гр. Иван Паскевич

Эриванский»

(Там же. Связка 51).

Разыскания русского командования во главе с Паскевичем показали, что было напечатано две тысячи экземпляров, из них 150 было взято революционным правлением, 102 книги распроданы частным лицам до взятия Варшавы Паскевичем и 18 – в первые дни после занятия города. Проводились расследования, кем раскуплены разошедшиеся экземпляры. Правительство опасалось, что «Уставная грамота» может попасть в руки русских гвардейских офицеров, которыми была наводнена Варшава.

Приказ министра двора Адлерберга московскому коменданту генералу М. Стаалу от 23 ноября 1831 г. призывал сжечь все собранные экземпляры книги и сообщить о выполнении приказа:

«Секретно.

Московского коменданта Г.М. Стааля
и ген. – адъютант Адлерберга

Рапорт

Во исполнение Высочайшего В.И.В. повеления, доставленные от главнокомандующего действующей армией два запечатанных ящика сего числа, со всеми находящимися в оных 1578-ю экземплярами так называемой Русской Конституции на арсенальном дворе в Кремле сожжены.

Моск. ком... ген. – майор Стааль.
Ген. – адъютант Адлерберг
Москва. 27 ноября 1831»

Оставлена была только рукопись «Государственной уставной грамоты», которую поспешили передать в Государственный архив. Но это не помешало распространению российской конституции. Она была перепечатана у кого-то из частных лиц и вышла в Париже в 1859 г. Кроме того, она вышла в составе «Исторического сборника» А.И. Герцена (Кн. 2. Лондон, 1861); в сборнике «Материалы для истории царствования императора Николая Павловича» (Лейпциг, 1880). В русской исторической периодике также появились сведения об «Уставной грамоте» 1818 г. (Русский вестник. 1871; Русская старина. 1880. Т. 28. С. 816).

Кроме Государственного архива «Государственная уставная грамота» сохраняется в Музее книги РГБ (Ф. 1-5932). Нет сомнения, что этот документ был хорошо известен в русском обществе. То, что «Государственную уставную грамоту» хорошо знал и изучил глава Северного общества декабристов Никита Муравьев, доказал виднейший русский историк Г.В. Вернадский в статье «Тайные источники Конституции Никиты Муравьева», вышедшей в Трудах Новороссийского университета в 1918 г.

6. «Русская Правда» П.И. Пестеля (1821–1824 гг.) и смежные документы декабристов



П. И. Пестель

Декабристы в советское время восхвалялись как предтечи большевиков, которыми они явно не были хотя бы по своему социальному происхождению. Они были выходцами из верхов тогдашнего русского общества. И судить о них можно как о таковых, а не по советским лекалам, пусть и с обратным знаком.

Виднейшей фигурой среди декабристов был Павел Иванович Пестель. Лютеранин по вероисповедованию, он происходил из семьи высокопоставленного чиновника. Отец его – Иван Борисович Пестель (1765–1843) вышел из среды московского чиновничества, служил по почтовой части. При Александре I обратил на себя внимание аккуратностью исполнения своих обязанностей и был назначен на несколько ревизий в Вятскую и Казанскую губернии.

Проявив себя как опытный чиновник, он в 1806 г. был назначен генерал-губернатором Сибири, где царили произвол, взяточничество и казнокрадство. Иван Борисович предпочел не выезжать в Сибирь и всю свою службу пробыл в Петербурге. Он оказался впутанным в питейные откупа, что не помешало ему стать членом Государственного Совета в Департаменте законов.

Он успел дать своим сыновьям блестящее образование. Старший сын – Павел Иванович Пестель, окончил Пажеский корпус, где в свое время учился Радищев, а в начале XIX столетия преподавал блестящий профессор Герман, знакомя своих слушателей с учениями Давида Рикардо о трудовой теории стоимости и сочинением шотландского экономиста Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». Самостоятельно Павел Пестель изучил «Завещание» Жана Мелле, французского священника-утописта, защищающего бедных и обездоленных.

Одержимый идеей модернизации России, декабрист Пестель создал самый радикальный в XIX в. политический проект преобразования государственного устройства России и решения крестьянского вопроса.

Пестель разошелся с отцом, что не помешало ему в дальнейшем помогать семье выплачивать многочисленные долги отца. С матерью у него сложились самые теплые отношения, что отражено в его письмах к матери из крепости, после отказа от исповеди, предложенной православным протоиереем П.Н. Мысловским.

Главный документ Южного общества декабристов – «Русская Правда» – серьезно и глубоко разрабатывался, но остался незаконченным и не был принят официально тайным обществом. Арест Пестеля приостановил работу над этим памятником декабристской мысли, доставленным в Верховную следственную комиссию из секретного тайника по доносу. Правильное прочтение этого документа принадлежит историкам Саратовского университета С. Чернову и Преображенскому. Они сумели выделить первую редакцию «Русской Правды» 1821–1822 гг. и вторую редакцию этого документа 1824 г. (см.: Восстание декабристов. М., 1958. Т. VII. С. 113–216), а также важнейший фрагмент «Русской Правды» – «Дележ земель» и документ, представляющий по существу VI главу «Русской Правды» и написанный для Общества соединенных славян, которое, как предполагали участники Южного общества С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин, должно было слиться с Южным обществом. Этот документ имеет название «Конституция – Государственный завет».

Русская Правда, или Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного верховного правления

Введение. Основные понятия

<...>

Параграф 11. О необходимости Русской Правды и временного верховного правления.

Сия цель двойная не может иначе, с успехом быть достигнута как посредством учреждения Временного верховного правления и обнародования Русской Правды ко всеобщему сведению. Причины к тому суть следующие: предлагаемый новый порядок, по обширности государства и многочисленности статей и предметов преобразованию подлежащих, не может быть введен вдруг одним разом.

Для сего нужно множество мер приуготовительных или переводных, которые должны постепенно в ход и действие быть приводимые, дабы государство не подверглось беспорядкам, волнениям и превращениям, которые вместо улучшения могли бы только ввергнуть оное в гибель. Все происшествия в Европе, в последнем полустолетии случившиеся, доказывают, что народы, возмечтавшие о возможности внезапных действий и отвергнувшие постепенность в ходе государственного преобразования, впали в ужаснейшие бедствия и вновь покорены игу самовластия и беззакония.

Сие доказывает необходимость приступить к преобразованию государства постепенными мероприятиями. Кому может быть поручено исполнение сего важного дела, как не Временному верховному правлению: прежняя верховная власть довольно уже доказала враждебные свои чувства против народа русского; а представительный Собор не может быть создан, ибо начала представительного верховного порядка в России еще не существуют.

Но поелику Россия должна иметь залог в том, что Временное верховное правление точно будет действовать для одного только блага России и для всевозможного усовершенствования положения и состояния ее по всем предметам и статьям, то необходимым оказывается издание Русской Правды в виде наказа верховному правлению. С другой стороны, составление Уложения, или Полного свода законов есть дело обширное, многотрудное, требующее много времени и больших соображений, дабы все статьи оного в совершенном между собой находились согласии и соответствии. А посему и не может быть вдруг ныне издано. К тому же государственное уложение должно содержать одни только точные, или Положительные законы и постановления, утверждающие будущий порядок в государстве, а следовательно, и не должно оно содержать:

1) Ни воспоминания о ныне существующем порядке: ибо оный прекратит свое существование;

2) Ниже изложения переводных и приуготовительных мероприятий или средств, коими нынешний порядок заменен будет предполагаемым новым: ибо приуготовительные или переводные меры суть действия преходящие;

3) Ниже, наконец, основных умозрительных соображений и правил, на коих государственное здание имеет быть сооружено: ибо умозрения не могут входить в состав Положительных законов или Уложения.

Но поелику три сии предмета преимущественно важны и России непременно известны быть должны при самом начале ее возрождения и преобразования, то тем еще более оказывается необходимость в Русской Правде, которая, излагая коренные начала и основания сего преобразования, содержала бы указания на целое государство и на все оного части, члены и отрасли.

«Русская Правда» предполагалась в десяти главах. Первая редакция 1821–1822 гг. состояла из первых нескольких глав, стык между первой и второй (1822 г.) редакциями проходил по одной из глав. Шестая глава, в которой должно было быть прописано политическое и государственное устройство будущей России, не сохранилась. Она восстанавливается по записи М.П. Бестужева-Рюмина, написанной под диктовку Пестеля для Общества соединенных славян. Этот документ – единственное свидетельство для суждения о VI главе «Русской Правды», имеет самостоятельное название:

Конституция – Государственный завет

1) Границы Российского Государства суть-

При сем случае действуют два правила: правило благоприличия для России и правило народности племен или народов, смежных и подвластных. Когда речь идет о народе, могущем пользоваться независимостью, тогда правило *народности* берет перевес. Когда дело

идет о народе, не могущем оными пользоваться и долженствующем быть под покровительством и зависимостью у другой славнейшей державы, тогда правило *благоприличия* для России берет перевес – Польша – правило народности объявляет независимость и самостоятельность народа, но правило благоприличия определяет в сем случае частности границеположения.

2) Российское Государство разделяется в отношении законного своего пространства на 10 областей и 3 удела. Уделы суть *Столичный*, в коем пребывает и сосредоточивается государственное правление, Нижний Новгород или Москва, Донской и Киргизский. Каждая область состоит из 5 губерний или округов. Губернии состоят из уездов, уезд состоит из волостей. Волости бывают цельные и приписные – 1000 обывателей мужского пола.

3) Государство состоит из народа и правительства.

4) Весь российский народ составляет одно сословие – гражданское; все нынешние сословия уничтожаются и сливаются в одно сословие – гражданское. Все различные племена, составляющие Российское государство, признаются русскими и, слагая различные свои названия, составляют один народ русский. Все россияне расписаны по областям. Каждый российский гражданин есть член какой-либо волости. Сие заменяет теперешнее распределение россиян по сословиям. Волость имеет для своих членов два списка: гражданский и скарбовой. В скарбовой список вносятся граждане, имеющие в волости какую-нибудь собственность. Подать берется с собственности – посему может один и тот же человек в скарбовых списках многих волостей быть записан, но в гражданском списке может каждый быть записан только по одной волости, ибо гражданский список означает политическое состояние, а политическим правом пользуется каждый русский в той только волости, в которой состоит в гражданском списке.

5) Вся земля, к каждой волости принадлежащая, разделяется на две части: волостную и частную. Первая принадлежит всему обществу, вторая – частным людям. Первая составляет собственность общественную, вторая – собственность частную. Волостная земля есть неприкосновенная. Она разделяется на участки. Участки раздаются по требованиям членов волости. Остальная земля отдается в наем посторонним лицам не иначе, как на один год. Если требуется более участков, чем таковых имеется, тогда не удовлетворяется требование тех, которые наибольшее число участков взять желают; участки сии переходят из рук в руки в тех только случаях, когда являются новые требователи. Сии требователи суть или такие, кои прежде никакого участка не брали или желают взять более. У кого участок отбирается, тот сам назначает, какой участок он отдает. Правило совокупной стоятельности (*principe de la Solidarite*) перед правительством является всегда волость, а не люди порознь. Россияне составляют народ, состоящий из одних обывателей Земли. Все россияне суть помещики, или частные или общественные.

6) Переход из нынешнего положения в порядок, здесь предлагаемый, есть постепенный. У нынешних помещиков земля откупается оброком или работою летнею. Наперед заводится сие в казенных имениях и волостях, а потом уже в частных. Оброчные селения и пахотные селения, дворовые люди, заводские крестьяне продолжают нынешнее занятие положенное время, те же сами откупаются, а дворовые в волости поступают.

7) Правительство разделяется на Верховную власть и государственное правление.

8) Насчет устройства Верховной власти отвергается правило равновесия властей, но принимается правило определенности круга действий. Верховная власть разделяется на законодательную и верховно-исполнительную. Первая поручается – *Народной вече*, вторая – *Державной Думе*. Сверх того нужна еще власть *блюстительная*, дабы те две не выходили из своих пределов. Власть блюстительная поручается *верховному собору*.

9) *Народная вече* состоит из народных представителей, выбранных народом на 5 лет. Каждый год пятая часть нисходит и заменяется новыми выборами. Тот же самый может быть

опять выбран. Устройство внутреннего порядка веча принадлежит ему самому. Председатель избирается ежегодно из членов, последний год заседающих. Народная веча есть одно целое и на каморы не разделяется. Вся законодательная власть в ней обретається. Она объявляет войну и заключает мир.

Различие в составлении законов заветных и всех прочих законов. Первые обнародываются и на суждения всей России предлагаются.

Народная веча имеет свое время, когда не заседает, тогда оставляется временная комиссия. Никто не может распустить Народной вечи. Она определяет волю в государстве, душу народа.

10) *Державная Дума* состоит из 5 членов, народом выбранных на 5 лет. Ежегодно один из Думы выходит и заменяется другим выбором. Председатель есть член, заседающий последний, или пятый, год. Ежегодно предлагает каждая губерния кандидата. Из числа сих кандидатов выбирает Народная веча окончательно. Державная Дума имеет всю верховно-исполнительную власть, ведет войну и производит переговоры, но не объявляет войны и не заключает мира. Все министерства и все вообще правительствующие места состоят под ведомством и начальством *Державной Думы*, действуя с распоряжением и исполняя с приказанием. Она имеет собственную свою канцелярию.

11) Верховный собор состоит из 120 членов, именуемых *боярами*. Бояре назначаются на всю жизнь и не могут участвовать ни в законодательном, ни в исполнительном порядке. Губернии назначают кандидатов, а Народная веча замещает упразднившееся число бояр. Председатель выбирается на год самим собором. Собор имеет Верховно-блюстительную власть. *Народная веча* препровождает к нему на утверждение все законы. Собор не рассуждает о сущности предметов, но смотрит на одни формы, дабы во всем соблюдено законное: после сего утверждения получает закон свою действительную силу. Сам же собор не действует. Собор назначает из своих членов по одному генерал-прокурору в каждое министерство и по одному генерал-прокурору в каждую область (приказной блюститель, областной посадник). Генерал-прокурор рассматривает журналы палат министерства, утверждает их определение, взирая на одну законность и соблюдение предлагаемого порядка, но не входя в суждение о сущности самого содержания; без их утверждения не может исполнение последовать, они утверждают за свои действия. Державная Дума решает, а Верховный собор может чиновника отдать под суд. Отданный под суд судится судебным порядком. Генерал-губернатор имеет таковые же обязанности в отношении областных правлений. Из сего явствует, что собор удерживает в пределах законности *Народную вечу* и Державную Думу. Сам же не имеет никакого действия положительного. Главнокомандующие действующих армий назначаются Верховным собором. Он принимает начальство над армией, когда выступает за пределы государства, и слагает, когда в пределы вступает губернии на военном положении.

«Конституция – Государственный завет» определяет желаемое политическое и государственное устройство России. Пестель предложил республиканскую форму правления. Высшая законодательная власть предоставляется Народной вече. Исполнительная власть сосредоточена в Державной Думе. Ежегодно один из членов Державной Думы выходит и заменяется другим путем выборов. Председателем Думы становится последний, заседающий последний год. В Народной вече также каждый год пятая часть делегатов выбывает и заменяется новыми путем выборов. Председатель Народной вечи избирается ежегодно из числа заседающих последний год.

С целью избежать коррупции вводится еще один орган контрольной «блюстительной» власти – Верховный собор. Он должен состоять из «120 бояр» и назначаться пожизненно из числа самых уважаемых в России государственных деятелей. Так, участники Южного обще-

ства предполагали ввести в состав Верховного собора М.М. Сперанского, Н.С. Мордвинова и А.П. Ермолова, а из членов тайного общества – С.И. Муравьева-Апостола.

После событий Испанской революции в 1823 г. и расстрела испанских революционеров – полковников Риго и Квируги, несмотря на данное испанским королем Фердинандом VII слово сохранить им жизнь, по предложению Пестеля была внесена поправка в «Русскую Правду» о введении диктатуры Временного революционного правления и физическом уничтожении представителей царствующей династии.

Следующим важнейшим фрагментом «Русской Правды» является документ под названием «Дележ земель». Датировка его совпадает со временем написания второй редакции программы Южного общества, т. е. 1824 или началом 1825 г. Этот документ раскрывает суть решения крестьянского вопроса по Пестелю. Он категорически связывал освобождение крестьян от крепостной зависимости с обязательным наделением их землей.

Постановка Пестелем вопроса о праве каждого крестьянина на землю определялась известным принципом идеологии Просвещения – «естественным правом». Пестель утверждал: «Человек может только на земле жить и только от земли пропитание получать» (см.: Русская Правда // Восстание декабристов. Материалы и документы. М.-Л., 1958. Т. VII).

Как убедительно в свое время доказал С.М. Фаерштейн, Пестель руководствовался идеями французского сельского священника Жана Мелье, высказанными им еще в 1729 г. в его «Завещании»: Беднейшие слои общества обязательно должны быть защищены государством (*Фаерштейн С.М. Решение аграрного вопроса в «Русской Правде» Пестеля // Очерки из истории движения декабристов / Под ред. Н.М. Дружинина. М., 1954. С. 32^0*).

Пестель хорошо изучил и сочинение Морелли «Кодекс природы, или Истинный дух ее законов», вышедшее в свет еще в 1755 г. Он вполне разделял его мнение о необходимости частной собственности, которое гарантирует чувство независимости личности. Но если в Европе эти идеи имели отвлеченный характер, то в крепостной России Пестелем впервые была конкретно высказана мысль о частичной конфискации земли у крупнейших землевладельцев, чтобы обеспечить всех крестьян пашенной землей.

Документ «Дележ земли» содержит цифровую раскладку частичного отчуждения помещичьей землевладения в пользу крестьянской общины.

Дележ земель

I. У кого есть 1000 душ и более.

1. Если на каждую душу имеется по 10 или более десятин земли, тогда половина земли останется за помещиком, а другая половина отберется для волости без всякого помещику возмездия.

2. Если на каждую душу имеется менее 10 десятин земли, но не менее пяти, тогда половина земли останется за помещиком, а другая половина отберется для волости, а за онаю получит помещик возмездие:

а)

1000 – 9. – 9000. – 4500. – 4500. – 500. – 5000
1000 – 8. – 8000. – 4000. – 4000. – 1000. – 5000
1000 – 7. – 7000. – 3500. – 3500. – 1500. – 5000
1000 – 6. – 6000. – 3000. – 3000. – 2000. – 5000
1000 – 5. – 5000. – 2500. – 2500. – 2500. – 5000
1000 – 4. – 4000. – 2000. – 2000. – 2000. – 4000
1000 – 3. – 3000. – 1500. – 1500. – 1500. – 3000
1000 – 2. – 2000. – 1000. – 1000. – 1000. – 2000
1000 – 1. – 1000. – 500. – 500. – 500. – 1000

Таким образом, ему додается к его земле из казенных земель нужное число десятин, дабы итог всех его земель составлял 5000 десятин.

3. Если на каждую десятину имеется *менее 5 десятин земли*, тогда к половине остающейся за помещиком додается точно такое же число десятин, каковое от него отберется».

Далее идет второй вариант изложения проекта «дележа земель»:

«1. Если у помещика имеется 10 000 десятин земли или более, тогда отбирается у него половина земли без всякого возмездия.

2. Если у помещика имеется менее 10 000 десятин, но не менее 5000 десятин земли, тогда за отбираемую половину земли дается ему возмездие, состоящее в таковом числе десятин земли, чтобы итог возмездной земли и за ним остающейся земли составлял всего-навсего 5000 десятин.

3. Если у помещика имеется менее 5000 десятин земли, тогда ему дается за отбираемую для волости землю таковое же точно число десятин возмездной земли.

4. Число десятин возмездной земли может быть выдано из казны помещику деньгами или натурой. Если выдаваться будет деньгами, то ценность определится показанием волости или помещика. За то обязан будет.

(Восстание декабристов. М., 1958. Т. VII. С. 113–216)

Личность Павла Ивановича Пестеля – многогранна. Определенное представление о его взглядах дают его ответы Верховной следственной комиссии. Он последовательно и достаточно откровенно освещал этапы становления своих вольнолюбивых взглядов.

Вот отрывок из его следственного дела:

П. И. Пестель о причинах своего вольномыслия

1. Имя и отчество мои суть: Павел Иванович сын Пестель. Имею от роду 34 года, скоро минет 35.

2. Я принадлежу к лютеранскому вероисповедованию. Ныне царствующему Императору я не присягал на верное подданство, ибо арестован был 13 декабря прошедшего 1825 года.

3. До двенадцати лет возраста воспитывался в доме родителей, а в 1805 году отправлен с моим братом в Гамбург, а оттуда – в Дрезден... В 1810 году был отправлен в Пажеский корпус, оттуда выпущен в конце 1811 года прапорщиком в Лейб-гвардии Литовский полк, что ныне Лейб-гвардии Московский полк. О политических науках не имел ни малейшего понятия до самого того времени, когда стал готовиться к вступлению в Пажеский корпус, в коем их знание требовалось для поступления в Верхний класс. Я им тогда учился у профессора и академика Германа, преподававшего в то время сии науки в Пажеском корпусе.

<...>

7. Когда я получил довольно основательные понятия о политических науках, тогда я пристрастился к ним... Я видел, что благоденствие и злополучие царств и народов зависит большею частью от правительств, и сия уверенность придала мне еще более склонности к тем наукам, которые о сих науках рассуждают и путь к оным показывают... Продолжая таким образом заниматься, начал я потом уже рассуждать и о том: соблюдены ли в устройстве российского правления правила политических наук, и начал разные предметы обдумывать: какими постановлениями они могли бы быть заменены, пополнены или усовершенствованы.

Обратил также внимание на положение народа, причем рабство крестьян всегда на меня сильно действовало, а равно и большие преимущества аристократизации, которую я считал сменою, между монархом и народом стоящую и от монарха ради собственных выгод

скрывающую истинное положение народа... Тогда начал во мне возникать внутренний ропот против правительства.

Возвращение Бурбонского Дома на французский престол и соображения мои впоследствии о сем происшествии могу я назвать эпохою в моих политических мнениях, понятиях и образе мыслей: ибо начал рассуждать, что большая часть коренных постановлений, введенных революциею, были при реставрации монархии сохранены и за благие вещи признаны... От сего рассуждения родилась мысль, что революция не так вредна, как говорят, и что может быть даже весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем другим еще суждением, что те государства, в коих не было революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений.

Тогда начали сии причины присовокупляться к выше уже приведенным и начали во мне рождаться почти совокупно, как конституционные, так и революционные мысли...

От монархически-конституционного образа мыслей был я переведен в республиканский главнейшими следующими причинами и соображениями: сочинение Детю де Траси на французском языке очень сильно на меня подействовало. Он доказывает, что всякое правление, где главою государства есть одно лишь лицо, особенно, если сей сан наследственен, неминуемо кончается деспотизмом.

Все газеты и политические сочинения так сильно прославляли возрастание благоденствия в Северных Американских Штатах, приписывая сие государственному их устройству, что сие мне казалось ясным доказательством в превосходстве республиканской конституции для России, но еще спорил тогда в пользу монархических, а потом стал его суждения себе припоминать и с ними соглашаться... Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода, как в богатстве, так и на правах наследственных <...> Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние. Я в них находил, по моим понятиям, неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мыслей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.